

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ДЖЕЙМС
РОЛИНС

Костяной лабиринт

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс
Костяной лабиринт
Серия «Книга-загадка,
книга-бестселлер»
Серия «Отряд «Сигма»», книга 10

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17195076
Роллинс, Джеймс. Костяной лабиринт: Издательство «Э»; Москва;
2016
ISBN 978-5-699-86715-8

Аннотация

Над программой изучения генома человека, проводимой в США под эгидой УППОНИР, нависла внезапная угроза. Сначала неизвестные боевики напали на экспедицию, исследующую останки древних людей в хорватских горах, и генетик Лена Крэндолл лишь чудом осталась в живых. Затем прямо из лаборатории в Штатах похитили ее сестру Марию, занимавшуюся генетическими опытами на обезьянах. Решение проблемы возложено на группу «Сигма», боевое подразделение УППОНИР. Ее руководителю Пейнтеру Кроу ясно: сестры Крэндолл сделали какое-то открытие, остро заинтересовавшее влиятельные силы за рубежом. Но он пока не догадывается, что открытие это связано

с такой древней и страшной тайной, что, возможно, лучше было бы не знать о ней вовсе...

Содержание

Слова благодарности	6
Замечания исторического характера	8
Замечания научного характера	12
Часть первая	29
Глава 1	29
Глава 2	53
Глава 3	70
Глава 4	81
Глава 5	96
Глава 6	128
Глава 7	159
Глава 8	186
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Джеймс Роллинс

Костяной лабиринт

*Посвящается «Искавленному пространству»,
ребятам, которые были рядом с самого начала... и
до сих пор помогают мне выглядеть на все сто*

James Rollins

The Bone Labyrinth

© 2015 by James Czajkowski

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление ООО
«Издательство «Э», 2016

Слова благодарности

Столько людей оставили свой след в этой книге! Я благодарен им за их помощь, критику и поддержку. В первую очередь хочу поблагодарить своих первых читателей, первых редакторов и своих лучших друзей Салли Анну Барнс, Криса Кроу, Ли Гаррета, Джей О'Рива, Денни Грейсона, Леонарда Литтла, Скотта Смита, Джуди Прей, Кэролайн Уильямс, Кристиана Райли, Тода Тодда, Криса Смита и Эми Роджерс. И, как всегда, особая благодарность Стиву Прею за замечательные карты... и Черей Маккартер за все те классные штучки, которые постоянно приходят на мою электронную почту! Спасибо Дэвиду Силвиану за то, что он выполнял всё и вся, о чем его просили, способствуя тому, чтобы в цифровом мире я постоянно продвигался вперед! Спасибо всем в издательстве «Харпер-Коллинс» за то, что всегда поддерживаете меня, и в первую очередь Майклу Моррисону, Лайет Стелик, Даниэлле Бартлет, Кейтлин Кеннеди, Джошу Марвеллу, Линн Грейди, Ричарду Акуану, Тому Эгнеру, Шону Никольсу и Анне Марии Аллесси. И, наконец, особая признательность тем, кто оказал неоценимое содействие на всех стадиях работы: моему редактору Лиссе Кейш и ее коллеге Ребекке Лукаш, моим агентам Рассу Галену и Дэнни Барору (а также его дочери Хизер Барор). И, как всегда, я должен подчеркнуть, что все до последней ошибки, связанной с

фактами и деталями, каковых, хочется надеяться, не слишком много, — это всецело мои промахи.

Замечания исторического характера

Важную роль в этой книге играют два реальных исторических лица: два священника, один из которых жил за несколько столетий до другого, однако судьбы их оказались связаны.

В XVII веке отца Атанасия Кирхера называли Леонардо да Винчи ордена иезуитов. Подобно великому флорентийцу, этот священник преуспел во многих областях науки и техники. Он изучал медицину, геологию и египтологию, а также мастерил сложные автоматы, в том числе магнитные часы (действующий макет которых можно увидеть в Зеленой библиотеке Стэнфордского университета). Влияние этого человека эпохи Возрождения ощущалось на протяжении многих столетий. С его работами были знакомы Декарт и Ньютон, Жюль Верн и Эдгар По.

Не менее интересна жизнь и другого священника.

Отец Карлос Креспи родился несколько столетий спустя, в 1891 году. Вдохновленный работами Кирхера, Креспи сам стал разносторонне образованным человеком. Он увлекался ботаникой, антропологией, историей и музыкой. Креспи основал миссию в маленьком городке в Эквадоре, где проработал пятьдесят лет. Именно там к нему в руки попала большая коллекция древних золотых предметов, привезенная индей-

цем из племени шуар, живущим в тех местах. По слухам, эти сокровища находились в системе пещер, раскинувшихся под Южной Америкой, в которой якобы хранится утерянная библиотека древних металлических пластин и хрустальных книг. Золотые предметы были покрыты странными изображениями и непонятными иероглифами.

Одни археологи считали эти предметы подделкой, другие же поверили в рассказ священника об их происхождении. Так или иначе, но в 1962 году вспыхнувший по неизвестным причинам пожар уничтожил музей, в котором хранилось большинство этих предметов, а все, что осталось, поместили в государственное хранилище Эквадора, и доступ туда в наше время закрыт.

Так что же в истории отца Креспи правда, а что – чистой воды вымысел? Этого никто не знает. И тем не менее никто не ставит под сомнение, что честный монах *верил* в то, что говорил, как и в то, что огромный тайник действительно *существовал*.

Больше того, в 1976 году группа британских военных и ученых предприняла попытку разыскать эту утерянную подземную библиотеку, но в конце концов попала в другую систему пещер. Как это ни странно, экспедицию возглавлял американец – причем не кто иной, как Нил Армстронг, человек, первым ступивший на поверхность Луны.

Что двигало этим нелюдимым американским героем, редко дававшим интервью? Ответ связан с еще большей тайной, угрожающей самим основам нашего места в этом мире.

Замечания научного характера

Фундаментальную загадку нашего происхождения – имеется в виду то, что делает нас *людьми*, – можно выразить одним-единственным вопросом: почему мы такие умные?

Эволюция человеческого разума до сих пор ставит в тупик ученых и философов. Да, можно проследить увеличение размеров больших полушарий головного мозга от первых гоминидов до появления вида «человек разумный» приблизительно двести тысяч лет назад. Но остается неизвестным, *почему* пятьдесят тысяч лет назад у нашего вида совершенно неожиданно стремительно вырос интеллект.

Антропологи называют этот исторический момент «большим скачком вперед». Ископаемые останки свидетельствуют о внезапном взрывном развитии искусства и музыки и даже о совершенствовании оружия. С точки зрения анатомии, размер головного мозга человека изменился незначительно, чем никак нельзя объяснить такой скачок. Однако, несомненно, произошло что-то фундаментальное, что вызвало столь стремительный рост разума и сознания. Гипотез, объясняющих это, предостаточно: от изменения климата до генетических мутаций и даже изменения образа питания.

Еще больше удручает тот факт, что на протяжении последних десяти тысяч лет наш головной мозг *уменьшается* в размерах – к сегодняшнему дню он сжался на добрых

пятнадцать процентов. Что означает эта новая перемена? Какое будущее она нам несет? Ответ лежит в разгадке тайны «большого скачка вперед». Но в науке до сих пор нет никаких гипотез, убедительно объясняющих эту поворотную точку в истории человечества.

Пока что нет.

А откровения, которые можно найти на страницах этой книги, поднимают еще более тревожный вопрос: стоим ли мы на пороге второго «большого скачка вперед»? Или же мы обречены снова откатиться назад?

*Разум появился в результате эволюции, причем
нельзя утверждать, что это было благом.*

Айзек Азимов

Разум измеряется способностью изменяться.
Альберт Эйнштейн

Осень 38 000 года до н. э.

Южные Альпы

– Беги, малышка!

Лес позади был озарен заревом пожаров. Вот уже целый день огонь гнал К'рука и его дочь Онку все выше в заснежен-

ные горы. Однако больше всего К'рук боялся не удушливого дыма и не обжигающего жара. Оглянувшись, он всмотрелся вдаль, стараясь хоть мельком увидеть охотников – тех, кто запалил лес, преследуя двух беглецов. Однако врагов не было видно.

И все же вдалеке слышался вой волков – огромных хищников, повинующихся воле этих охотников. Судя по звукам, теперь стая была ближе, в соседней долине.

Беглец тревожно взглянул на солнце, склонившееся к самому горизонту. Оранжевое сияние в небе напоминало о тепле, которое ждало в той стороне, о родных пещерах, спрятанных под зелеными горами и черными скалами, где вода еще текла, не став твердой, где в лесах у подножия гор в изобилии бродили олени и зубры...

К'рук явственно представил себе яркое пламя костров, жарящиеся куски мяса, с шипением роняющие в огонь капли жира, и людей племени, собравшихся вместе перед тем, как устраиваться на ночлег. Он тосковал по прежней жизни, но понимал, что отныне эта дорога закрыта для него – и в особенности для его дочери.

Внимание беглеца привлек полный боли, пронзительный крик, раздавшийся впереди. Онка поскользнулась на замшелом валуне и упала. Вообще-то девочка уверенно передвигалась по горам, однако теперь отец и дочь вынуждены были непрерывно идти на протяжении вот уже трех дней.

Встревожившись, отец помог девочке подняться на но-

ги. Наполненное страхом юное лицо Онки блестело от пота. К'рук потрепал дочь по щеке. В изящных чертах ее лица он видел ее мать, целительницу племени, умершую вскоре после рождения дочери. К'рук провел пальцами по огненно-рыжим волосам Онки.

«Она так похожа на свою мать...»

Однако в лице дочери он видел и другое – то, что заклеивало девочку как чужачку. Нос у Онки был тоньше, чем у кого-либо из племени, даже с учетом того, что девочка видела в своей жизни всего девять зим. Лоб у нее был более прямой и не такой массивный, как у других. К'рук заглянул в ее голубые глаза, ясные, словно летнее небо. Все это говорило о том, что в жилах Онки течет смешанная кровь: кровь племени К'рука и кровь тех людей, которые недавно пришли с юга, обладающих более хрупкими конечностями и быстрыми языками.

Такие особенные дети считались знамением, свидетельством того, что два народа, древний и молодой, могут жить вместе в мире, пусть даже и не в одних и тех же пещерах. По крайней мере, они смогут делить охотничьи угодья. По мере того как два племени сближались, рождалось все больше и больше таких детей, как Онка. К ним относились с благоговейным почтением. Они смотрели на мир другими глазами и, вырастая, становились великими шаманами, целителями, охотниками...

Но вот два дня назад из соседней долины вернулся во-

ин племени К'рука. Смертельно раненный, он все же собрал остатки сил и предупредил о могущественных врагах, подобно саранче расползающихся по окрестным лесам. Это таинственное многочисленное племя охотилось на таких необычных детей, как Онка, а с теми, кто осмеливался послушаться, чужаки безжалостно расправлялись.

Услышав об этом, К'рук понял, что не может подвергать опасности свое племя. Но в то же время он не мог допустить, чтобы у него отняли девочку. Поэтому они с дочерью бежали – но, судя по всему, кто-то предупредил врагов об их бегстве.

Предупредил об Онке.

«Я ни за что на свете не отдам тебя!»

Взяв девочку за руку, К'рук ускорил шаг, однако прошло совсем немного времени, и Онка уже не столько шла, сколько с трудом ковыляла, то и дело спотыкаясь и сильно хромая на подвернутую ногу. Тогда отец взял девочку на руки. Они поднялись на гребень и стали спускаться по лесистому склону. По дну ущелья протекал ручей. Там можно будет утолить жажду.

– Там мы сможем отдохнуть, – сказал К'рук, указывая вниз. – Но только очень недолго...

Совсем близко слева хрустнула ветка. Опустив девочку на землю, беглец настороженно присел, выставив перед собой копьё с каменным наконечником. Из-за сухого дерева показалась стройная фигура, одетая и обутая в оленьи шкуры. Посмотрев незнакомцу в лицо, К'рук без слов понял, что в

жилах у того, как и у Онки, течет смешанная кровь. Однако, судя по одежде и густым волосам, перевязанным кожаным шнурком, незнакомец был не из племени К'рука, а принадлежал к тому народу, который недавно появился в здешних горах.

Позади снова раздался волчий вой, и на этот раз он был еще ближе.

Закутанный в шкуры человек прислушался, а затем поднял руку и сделал какой-то знак. Он произнес какие-то слова, но К'рук их не понял. Тогда незнакомец просто махнул рукой, указывая на ручей, и стал спускаться по заросшему склону.

Какое-то мгновение К'рук колебался, не зная, идти ли им следом, но, услышав снова вой принадлежащих врагу волков, решительно двинулся за незнакомцем. Чтобы не отставать от проворного молодого воина, быстро пробирающегося сквозь заросли, ему снова пришлось взять Онку на руки. Спустившись к ручью, К'рук увидел, что там их дожидалась группа человек в десять-двенадцать, среди которых были и дети возрастом еще младше Онки, и сгорбленные старики. Судя по одежде и украшениям, эти люди принадлежали к разным племенам.

И тем не менее у них было нечто общее.

У всех в жилах текла смешанная кровь.

Незнакомец, который привел К'рука и его дочь, шагнул к Онке и опустил перед ней на колено. Он провел пальцем

по ее лбу и дальше по скуле, показывая, что видит в девочке свою соплеменницу.

В свою очередь, дочь К'рука подняла руку и прикоснулась к знаку у незнакомца на лбу – россыпи крошечных шрамов, образующих странную остроугольную фигуру.

Онка провела кончиком пальца по этим неровностям на коже, словно читая в них какой-то скрытый смысл. Воин улыбнулся, показывая, что понимает ее чувства.

Выпрямившись, он положил руку себе на грудь и сказал:
– Терон.

К'рук понял, что это его имя, но потом незнакомец быстро произнес что-то непонятное, подзывая жестом одного из стариков, тяжело опирающегося на толстую сучковатую палку.

Подойдя, старик заговорил на языке племени К'рука:

– Терон говорит, девочка может остаться у нас. Мы направляемся к высокому перевалу, который ему известен. Этот перевал еще свободен от снега, но так будет всего несколько дней. Если нам удастся дойти до него раньше наших врагов, мы оторвемся от преследователей.

– До тех пор, пока снег снова не растает, – встревоженно уточнил К'рук.

– Это случится еще через много лун. К тому времени мы уже бесследно исчезнем, и наш след давно остынет.

Вдалеке снова послышался волчий вой, напомнивший о том, что в настоящий момент след еще далеко не остыл.

Старик также прекрасно это понимал.

– Нам нужно уходить как можно быстрее, пока волки нас не настигли, – сказал он встревоженно.

– И вы возьмете мою дочь? – К’рук подтолкнул девочку к Терону.

Тот крепко стиснул ему плечо.

– Мы ей рады, – заверил К’рука старик. – Мы будем ее оберегать. Но на долгом и опасном пути нам пригодятся твоя сильная спина и твое острое копье.

Отступив в сторону, К’рук крепче сжал древко своего оружия.

– Враги приближаются слишком быстро. Я использую свой последний вздох, чтобы задержать их и дать вам возможность дойти до перевала.

Он посмотрел Онке в глаза, уже наполнившиеся слезами.

– Отец... – всхлипнула она.

– Отныне это твое племя, Онка. – Говоря эти слова, К’рук почувствовал, как у него стиснуло грудь. – Эти люди ответят тебя в далекие края, где ты будешь в безопасности, где ты вырастешь и станешь сильной женщиной, какой и должна стать.

Вырвавшись из рук Терона, Онка запрыгнула на отца, обвив тонкими руками его шею.

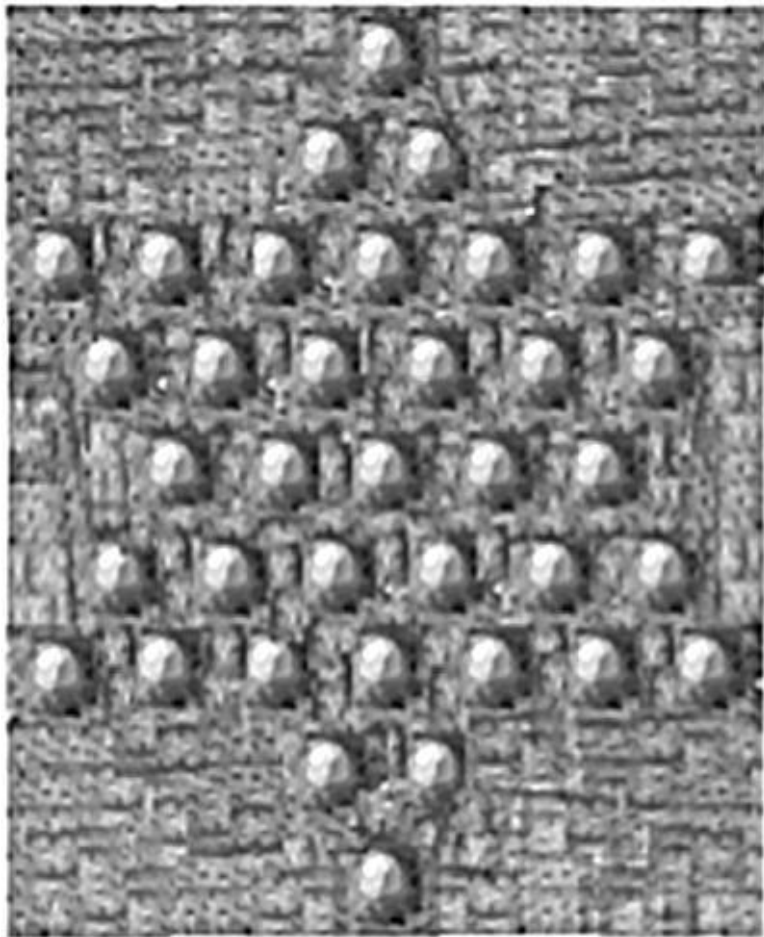
Задышавшись от горя и от крепких объятий дочери, К’рук оторвал ее от себя и передал Терону, подхватившему ее сзади. Наклонившись к дочери, прикоснулся своим лбом к ее

лбу, прощаясь с нею и сознавая, что больше никогда ее не увидит.

Выпрямившись, он развернулся и решительным шагом двинулся прочь от ручья, вверх по склону, навстречу волчьему вою — но слышал он не вой, а звучащее позади жалобное всхлипывание Онки.

«Пусть у тебя все будет хорошо, дочь моя!»

К'рук ускорил шаг, собираясь во что бы то ни стало спасти Онку. Взобравшись на гребень, он поспешил навстречу вою свирепых хищников, ведущих за собой преследователей. Волки уже пересекли соседнюю долину, и их голоса звучали все громче.

Мужчина перешел на бег, двигаясь большими прыжками.

До следующего гребня он добрался, когда солнце уже скрылось за горизонтом, накрыв долину внизу глубокой тенью. Замедлив шаг, К'рук начал спускаться вниз по склону, двигаясь предельно осторожно, поскольку волки теперь умолкли. Низко пригнувшись, он скользил из тени в тень, держась по ветру от стаи, тщательно выбирая, куда сделать следующий шаг, чтобы под ногою не хрустнула ветка.

Наконец К'рук смог различить впереди дно ущелья, по которому двигались черные тени. Волки. Один из хищников вышел на открытое место, и мужчина увидел, что это совсем не волк. У зверя была спутанная густая шерсть, здоровенная морда, исполосованная шрамами, и оскаленная пасть, обнажающая длинные желтоватые клыки.

Не обращая внимания на подскочившее к самому горлу сердце, К'рук оставался на месте, поджидая хозяев этих чудовищ.

В конце концов среди деревьев показались высокие силуэты. Самый рослый из них вышел на опушку, впервые позволяя К'руку увидеть истинное лицо врага.

При виде него беглец похолодел от ужаса.

«Нет, этого не может быть...»

Тем не менее он крепче стиснул копье, в последний раз оглянувшись назад.

«Беги, Онка! Беги и не останавливайся!»

Весна 1669 года

Рим, Папская область

Николас Стено провел молодого посланника в недра музея Ватиканского колледжа. Незнакомец кутался в плащ, а его сапоги были покрыты грязью, что говорило как о неотложности, так и о секретности его миссии.

Посланник прибыл с севера, от Леопольда I, императора Священной Римской империи. Доставленный им пакет был адресован ближайшему другу Николааса, отцу Атанасию Кирхеру, куратору музея.

Разинув рот от изумления, посланник разглядывал собранные здесь диковинки природы, египетские обелиски и всевозможные чудесные механизмы, которые тикали и жужжали. Все это венчали взметнувшиеся ввысь купола, украшенные астрономическими картами. Взгляд молодого немца остановился на янтарной глыбе, подсвеченной сзади пламенем свечи, внутри которой находилось прекрасно сохранившееся тело ящерицы.

– Не задерживайся, – предупредил его Стено, и тот двинулся дальше.

Николасу были знакомы здесь все уголки и все переплетенные фолианты – в основном это была работа главы музея. По поручению своего покровителя, великого герцога Тосканского, он провел здесь почти целый год, изучая хранилище музея, чтобы затем составить свою собственную кунсткамеру в герцогском дворце во Флоренции.

Наконец двое мужчин остановились перед массивной дубовой дверью, и Стено постучал по ней кулаком.

– Входите, – послышался голос из-за двери.

Распахнув ее, Николас провел посланника в маленький кабинет, освещенный умирающими углями в камине.

– Прошу прощения за то, что потревожил вас, преподобный отец, – обратился он к сидевшему в комнате человеку.

Посланник-немец тотчас же преклонил колени перед широким письменным столом и почтительно склонил голову.

Человек, устроившийся за столом в окружении гор книг, тяжело вздохнул. В руке он держал гусиное перо, конец которого застыл над большим листом пергамента.

– Ты пришел, чтобы снова порыться в моем собрании, дорогой Николас? – спросил он Стено. – Должен тебя предупредить, что я предусмотрительно пронумеровал все стоящие на полках книги.

Николас виновато улыбнулся:

– Обещаю, что верну «*Mundus Subterraneus*»¹, как только докажу несостоятельность всех ваших утверждений, приве-

¹ «Подземный мир» (лат.).

денных в этой книге.

– Вот как? Я слышал, ты уже добавляешь последние штрихи к своей собственной работе, посвященной загадкам подземных камней и кристаллов, – отозвался хозяин комнаты.

Стено почтительно поклонился, признавая справедливость этих слов.

– Совершенно верно. Но прежде чем представить ее, я скромно прошу, чтобы вы подвергли ее такому же безжалостному разбору.

За прошедший год Николас и отец Атанасий Кирхер провели много долгих вечеров, обсуждая всевозможные вопросы науки, теологии и философии. Несмотря на то что Кирхер был на тридцать семь лет старше Стено и тот относился к нему с огромным уважением, священник был рад, когда ему бросали вызов. Больше того, при первом же знакомстве у них с Николасом разгорелся бурный спор по поводу одной его работы, опубликованной два года назад, в которой Стено утверждал, что так называемые каменные языки, или глоссопетры – вкрапления, встречающиеся в горных породах, – в действительности представляют собой зубы древних акул. Отец Кирхер также питал интерес к костям и другим древним останкам, замурованным в толще наслоившихся пород. Они с Николасом долго и горячо спорили о происхождении подобных загадок. И вот так, в горниле научного поиска, двое ученых прониклись уважением друг к другу, стали единомышленниками и, что самое главное, друзьями.

Отец Атанасий перевел взгляд на посланника, по-прежнему коленопреклоненного перед заваленным книгами столом.

– А кто твой спутник?

– Он прибыл с пакетом от Леопольда Первого. Сдается мне, император наконец вспомнил о своем образовании, полученном у иезуитов, и прислал вам что-то важное. Леопольд обратился к великому герцогу, и тот приказал мне доставить этого человека к вам без промедления, в обстановке строжайшей секретности.

Кирхер отложил перо.

– Любопытно...

Обоим ученым было хорошо известно, что нынешний император питал интерес к естественным наукам, привитый ему наставниками-иезуитами, которые обучали его в детстве. Леопольд собирался посвятить себя Церкви – однако смерть его старшего брата от чумы возвела благочестивого ученого на холодный северный трон.

– Довольно этих глупых церемоний, мой юный друг! – махнул посланнику отец Кирхер. – Встань и передай то, ради чего ты совершил столь долгий путь.

Поднявшись с колен, его гость откинул капюшон, открывая лицо – он оказался юношей лет двадцати, не больше, – достал из холщовой сумки толстый конверт, скрепленный печатью императора, и, шагнув вперед, положил его на стол, после чего тотчас же отступил назад.

Атанасий оглянулся на Николаса, но тот лишь молча по-

жал плечами, также пребывая в полном неведении.

Взяв нож, Кирхер срезал печать и вскрыл конверт. Из него выкатился маленький предмет. Это была кость, заключенная в прозрачный кристалл, похожий на кусок льда. Нахмурившись, священник достал из конверта пергамент и развернул его. Даже с расстояния в несколько шагов Стено разглядел, что это подробная карта Восточной Европы. Какое-то мгновение отец Кирхер внимательно изучал ее.

– Я не понимаю смысл всего этого, – сказал он наконец. – Карта и этот обломок старой кости... К ним не приложено никакого письма с разъяснениями.

И тогда посланник наконец подал голос. По-итальянски он говорил с сильным акцентом:

– Император назначил меня доставить вам вторую половину послания. А первую – его слова – я поклялся заучить наизусть и открыть их только вам, преподобный отец.

– И что же это за слова? – приподнял брови священник.

– Императору известно, что вы интересуетесь далеким прошлым, тайнами, погребенными в недрах земли, и он просит вашей помощи в изучении того, что было найдено на месте, обозначенном на карте.

– Что же там нашли? – спросил Николас. – Еще кости, такие же, как эта?

Подойдя ближе, он осмотрел окаменевший кусок с вкраплениями белой породы. Не вызывало сомнений, что лежащий на столе предмет был очень древним.

– Кости и многое другое, – подтвердил посланник.

– И кому принадлежат эти кости? – спросил Кирхер. – Чья это могила?

Его молодой гость ответил дрогнувшим голосом. А затем, прежде чем Стено и Кирхер успели вымолвить хоть слово, выхватил кинжал и одним быстрым движением перерезал себе горло от уха до уха. Хлынула кровь. Хрипя и кашляя, посланник рухнул на колени, а затем растянулся на полу.

Николас поспешил на помощь юноше, проклиная жестокую судьбу. Похоже, последние слова посланника предназначались только отцу Кирхеру и ему, и, доставленные по назначению, они больше никогда не должны были прозвучать.

Обойдя письменный стол, отец Атанасий опустил на корточки и взял руку юноши, однако заданный им после этого вопрос предназначался Николасу:

– Неужели это правда?

Стено сглотнул комок в горле, потрясенный последними словами, слетевшими с окровавленных губ лежащего перед ним посланника.

«Эти кости... они принадлежат Адаму и Еве...»

Часть первая

Кровь и тени

Σ

Глава 1

*29 апреля, 10 часов 32 минуты по
восточноевропейскому летнему времени*

Округ Карловац, Хорватия

«Напрасно мы пришли сюда...»

Суеверный страх остановил Роланда Новака. Прикрыв козырьком ладони глаза от утреннего солнца, он поднял взгляд на возвышающиеся впереди остроконечные горные пики. Вдалеке сгущались черные грозовые тучи.

Согласно хорватским преданиям – Роланд слышал их в детстве, – ночью в грозу на вершине горы Клек собираются ведьмы и феи и их крики слышны до самого городка Огу-

лин. С этой горой были связаны легенды о несчастных людях, случайно забредших сюда, – всех их постигла страшная участь.

На протяжении столетий эти предания помогали горе оставаться нетронутой. Однако в последние десятилетия все изменилось: отвесные каменные стены стали привлекать скалолазов – в большом количестве. Хотя Новак и его спутники в это утро дерзнули покорить северный склон горы не ради спортивной славы.

– Осталось еще совсем немного, – заверил товарищей Алекс Райтсон. – Нам лучше добраться до места и вернуться обратно до того, как начнется гроза.

Геолог-англичанин, возглавлявший группу из четырех человек, на вид был таким же крепким, как и окрестные горы, при том что ему было уже под семьдесят. Несмотря на утреннюю прохладу, он был в шортах цвета хаки, открывающих сильные, жилистые ноги. Его белоснежная грива, более густая, чем редящие волосы Роланда, была спрятана под альпинистской каской.

– Он утверждает это уже в третий раз, – шепнула Новаку Лена Крэндолл. После продолжающегося уже больше часа подъема в гору ее лицо блестело от тонкой пленки пота, однако она еще даже не запыхалась. Впрочем, ей было всего лет двадцать с небольшим, и судя по изрядно стоптанным туристическим ботинкам у нее на ногах, эта девушка сама частенько совершала пешие походы.

Лена подняла взгляд на небо, изучая надвигающиеся стеной черные тучи.

— К счастью, мне удалось выбраться сюда на день раньше, — заметила она. — Как только начнется ливень, эти горы бог знает на какое время превратятся в непроходимое болото.

Признавая справедливость ее предупреждения, группа ускорила шаг, продвигаясь вперед по узкой тропе. Крэндолл расстегнула молнию теплой куртки и поправила на плечах старый рюкзак с эмблемой Университета Эмори — учебного заведения в Атланте, в штате Джорджия, которое она окончила. Роланд не знал об этой американке практически ничего, кроме того, что она генетик, стажирующаяся в Институте эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге. Подобно Новаку, Лена также пребывала в полном неведении насчет того, почему их внезапно вызвали сюда английский геолог и его напарник, палеонтолог-француз.

По пути вверх доктор Дейн Арно что-то объяснял шепотом Райтсону. Роланд не мог разобрать его слов, тем более что палеонтолог говорил с сильным французским акцентом, однако, судя по его возбужденному тону, он явно был чем-то недоволен. До сих пор ни Алекс, ни Дейн не говорили своим спутникам о конечной цели их пути и о том, что их там ждет.

Новак с трудом сохранял выдержку. Вырос он в Загребе, столице Хорватии, но ему были хорошо знакомы предания, связанные с этой вершиной Динарского нагорья. Внешне го-

ра напоминала лежащего на спине великана. Согласно легендам, это было тело великана Клека, вступившего в схватку с богом Волосом и в наказание за эту дерзость превращенного в камень. Однако прежде чем окаменеть, великан дал клятву, что однажды вырвется из каменного сна и отомстит всему миру.

Роланд ощутил укол суеверного страха.

В последнее время каменный великан начал ворчать и ворочаться.

В здешних местах часто случались подземные толчки, и это обстоятельство, по-видимому, и породило легенды о дремлющем великане. Но в прошлом месяце разразилось мощное землетрясение силой 5,2 балла по шкале Рихтера, и появилась трещина в стенах колокольни средневековой церкви в расположенном неподалеку городке Огулин.

Роланд подозревал, что это землетрясение было как-то связано с тем, что обнаружили геолог и палеонтолог. Его подозрения укрепились, когда их маленький отряд обогнул скалистый отрог горы и углубился в густой сосновый лес. Впереди показалась огромная каменная глыба, которая оторвалась от скалы и упала на лес, повалив вековые сосны и оставив в земле вмятину, похожую на отпечаток ноги самого могучего Клека.

Идя по тропе, петляющей среди россыпи здоровенных камней и расколотых стволов деревьев, Райтсон наконец нарушил молчание:

– После недавнего землетрясения один орнитолог случайно наткнулся на эту область разрушений. Путешествуя рано утром, он увидел пар, поднимающийся между валунами, и это позволило ему предположить, что под землей скрывается система пещер.

– И вы полагаете, что недавнее землетрясение открыло туда доступ? – спросила Лена.

– Совершенно верно, – махнул рукой Алекс. – В этом нет ничего удивительного. Все эти горы состоят преимущественно из карста, разновидности известняка. Дождевая вода и изобилие ручьев превратили местность в геологический аттракцион, полный чудес. Подземные реки, карстовые воронки, пещеры – чего тут только нет!

– Но ведь вы обнаружили здесь не просто старую пещеру, – пристально посмотрел Роланд на Дейна.

Райтсон обернулся, и у него в глазах сверкнуло восторженное возбуждение:

– Лучше не будем портить сюрприз, правильно, доктор Арно?

Палеонтолог угрюмо пробурчал что-то себе под нос, что полностью соответствовало хмурой гримасе, казалось, высеченной у него на лице. В то время как Алекс был общительным и дружелюбным, вечно угрюмый и раздражительный француз казался его мрачной тенью. Арно был всего на несколько лет старше Роланда, которому недавно исполнилось тридцать два года, однако из-за своего поведения вы-

глядел стариком. Новак подозревал, что такое настроение в значительной степени обусловлено тем, что в группу исследователей пришлось включить его, Роланда, и американку. Он знал, что некоторые ученые крайне неохотно привлекают к своей работе чужаков.

– Ну, вот мы и пришли! – объявил Райтсон, подходя к лестнице, торчащей из неприметной дыры в земле.

Полностью поглощенный входом в пещеру, Роланд заметил стоящую в тени скалы фигуру, только когда мужчина вышел на солнечный свет. На плече у него висела автоматическая винтовка. Хотя охранник был в штатском, его военная выправка, наглаженные складки на одежде и стальной блеск в глазах говорили об армейском прошлом. Его темные волосы, подстриженные «ежиком», казались черной шапочкой.

Мужчина быстро заговорил по-французски, обращаясь к Арно.

Новак не владел этим языком, но, судя по всему, человек, охранявший пещеру, не подчинялся палеонтологу, а скорее, был его равноправным партнером. Он указал на сгущающиеся тучи, словно спрашивая, разумно ли будет спускаться вниз, а затем наконец, выругавшись, подошел к генератору и дернул шнур стартера, заводя двигатель.

– Это командор Анри Жерар, – представил мужчину Райтсон. – Он из «Альпийских стрелков», элитной французской горнострелковой части. Вместе со своими людьми Жерар не подпускает сюда никого постороннего.

Роланд огляделся вокруг в поисках других солдат, но больше никого не увидел.

– Печальная, но боюсь, что необходимая мера предосторожности, – продолжал Алекс. – Обнаружив возможный вход в пещеру, орнитолог связался с клубом спелеологов. К счастью для нас, все члены клуба строго придерживаются неписаного закона: обнаружив под землей что-либо важное, они не трогают находку и связываются со своими французскими коллегами, теми самыми, которые обеспечивали сохранность пещер Шове и Ласко.

В прошлом Новак занимался изучением истории искусства, и ему были известны эти пещеры, знаменитые наскальными рисунками эпохи палеолита, выполненными далекими предками современного человека.

Он перевел взгляд на вход в пещеру, предположив, что может скрываться под землей.

Лена также догадалась, что к чему.

– Вы обнаружили в пещере наскальные рисунки? – спросила она.

Райтсон поднял брови.

– О, мы обнаружили нечто большее! – Его взгляд остановился на Роланде. – Вот почему мы связались с Ватиканом, отец Новак... И вот почему вас прислали сюда из Хорватского католического университета в Загребе.

Роланд всмотрелся в темноту прохода. Услышав вдалеке раскат грома, он непроизвольно прикоснулся к своему бело-

му воротничку.

В голосе Арно, говорившего с сильным акцентом, прозвучало нескрываемое презрение:

– Отец Новак, вы здесь, чтобы засвидетельствовать и удостоверить чудо, которое мы нашли.

11 часов 15 минут

Лена спускалась по лестнице следом за Райтсоном и Арно. Рядом проходил провод, ведущий от генератора на поверхности к тусклым отсветам внизу. Как и все остальные, девушка была в каске с фонариком. В висках у нее гулко стучала кровь – от восторженного предчувствия, к которому приешивалась клаустрофобия.

На работе Крэндолл почти все свое время проводила закрывшись в генетической лаборатории, прильнув к окулярам микроскопа или читая данные, выведенные на компьютерный монитор. Как только у нее появлялось свободное время, она сбегала к дикой природе. В последнее время это были в основном узкие полоски парков, протянувшиеся вдоль рек, пересекающих Лейпциг. Лена скучала по обширным лесам, окружающим исследовательскую лабораторию на окраине Атланты, в которой работала раньше. Также она скучала по сестре-близнецу, тоже посвятившей себя генетике и продолжающей работу над их совместным проек-

том в Штатах, в то время как Лена разрабатывала вспомогательную тему здесь, в Европе, по шестнадцать-восемнадцать часов в день восстанавливая древний генотип по кусочкам полусгнивших костей и зубов.

Если в пещере действительно находится стоянка эпохи неолита, богатая окаменевшими останками и артефактами, ее роль в этой экспедиции становится понятной: тщательно отобрать образцы для дальнейшего исследования в лаборатории. Институт Макса Планка заслуженно славится своим умением находить в древних костях фрагменты ДНК и восстанавливать по ним генотип.

Переставляя ноги по ступеням лестницы, Лена смотрела вниз, гадая, что может ждать ее там. Она жалела о том, что рядом нет сестры Марии, чтобы можно было разделить с нею радость открытия.

Спускающийся последним отец Новак тихо ойкнул, оступившись на лестнице, однако ему удалось удержаться. Крэндолл нахмурилась, уже в который раз гадая, зачем в состав экспедиции включили священника. По пути из Загреба она разговорилась с отцом Роландом и выяснила, что он преподает в университете историю Средних веков – не совсем ясно, как подобные знания могут пригодиться в исследовании доисторической пещеры...

Наконец Лена спустилась до самого конца. Райтсон помог ей сойти с лестницы и знаком предложил следовать за Арно, который, пригнувшись, первым двинулся в подземный про-

ход. Девушка тоже нагнулась, чтобы не задевать головой о низкие своды. Но это не помогло: она все равно то и дело цеплялась каской за каменный потолок, отчего луч ее фонарика принимался судорожно плясать. Воздух в пещере был значительно теплее по сравнению с утренней прохладой наверху, однако от сырости известковые стены покрылись влагой, а пол блестел от мокрой плесени.

Наконец шедший впереди Дейн выпрямился. Лена присоедибилась к нему, распрямляя затекшую спину – и застыла, увидев открывшееся перед нею зрелище.

Впереди простиралась пещера, утыканная острыми зубцами сталактитов и сталагмитов. Стены были исчерчены сложистыми отложениями углекислого кальция, а свод украшали затейливые люстры из закрученных спиралью белоснежных кристаллов, размером от крохотных соломинок до ветвистых оленьих рогов.

– Впечатляющая выставка спиралевидных образований, – заметил Райтсон, перехватив зачарованный взгляд девушки. – Подобные спелеотемы вырастают за счет капиллярных сил, выталкивающих воду через микроскопические трещины. На то, чтобы вырасти на несколько сантиметров, уходит около столетия.

– Поразительно! – прошептала Крэндолл, опасаясь своим дыханием разбить эти хрупкие с виду творения природы.

– Дальше будьте крайне осторожны, – строго заметил Арно. – Ходите только по лестницам, которые мы уложили на

пол пещеры в качестве мостков. То, что сохранилось под ногами, не менее важно, чем то, что висит над головой.

Палеонтолог двинулся дальше, ступая по узким ступеням стальных лестниц, уходящих в глубь пещеры. Дорогу освещали редкие лампы, запитанные от генератора наверху. Лена обратила внимание на раскиданные по полу предметы, словно вмерзшие в толщу известкового шпата. Сквозь прозрачные кристаллы можно было различить контуры черепов и костей животных.

– Здесь самая настоящая сокровищница доисторической жизни, – несколько оттаявшим тоном пояснил Дейн, указывая на один такой предмет. – Вот практически нетронутая задняя нога *Coelodonta antiquitatis*.

– Волосатого носорога, – кивнула Крэндолл.

Арно посмотрел на нее, и в его взгляде сверкнула искра уважения, приправленная, впрочем, оскорбительным количеством удивления:

– Совершенно верно.

– А вот это, если не ошибаюсь, принадлежало *Ursus speleaeus*, – сказала Лена, указывая на предмет, лежащий на постаменте из обломанного сталагмита: череп, припаянный к камню белыми подтеками кальцита.

– Знаменитому пещерному медведю, – неохотно подтвердил Дейн, вызвав усмешку у Райтсона.

Девушка с трудом сдержала улыбку. «В эту игру могут играть двое».

– Судя по положению черепа, – продолжал Арно, – его, очевидно, использовали в качестве тотема. Можно различить черную копоть от древнего очага перед ним. По-видимому, пламя отбрасывало тень от черепа зверя на дальнюю стену.

Лена мысленно представила себе эту картину, стараясь понять, что она порождала в душах древних людей, для которых эта пещера была домом.

Палеонтолог двинулся дальше, указывая по пути к противоположному концу пещеры на другие ценные сокровища: рога сайги, череп зубра, груды мамонтовых бивней и даже сохранившиеся целиком останки беркута. Повсюду на полу виднелись небольшие черные пятна, вероятно, обозначающие места отдельных очагов.

Наконец исследователи пересекли первую пещеру и вошли в обширный подземный зал, своими размерами затмеваящий предыдущий. Купол свода уходил вверх на высоту нескольких этажей. В просторной пещере без труда смог бы развернуться двухэтажный автобус.

– А вот и главная достопримечательность, – объявил Райтсон. Теперь уже он возглавил шествие, двинувшись первым по мосткам из стальных лестниц.

Крэндолл и без его подсказки увидела главное сокровище пещеры. Нижнюю половину стен покрывали наскальные рисунки, изображающие все стороны жизни – своеобразный фотографический снимок окружающего мира. Одни, судя по

всему, были нарисованы углем, другие – нацарапаны на черной поверхности камня, под которой открывался более светлый слой. Некоторые изображения были раскрашены яркими красками, сделанными на основе древних пигментов.

Но больше всего Лену поразила сама красота рисунков. Это были не грубые примитивные фигуры, состоящие из черточек, а настоящие произведения искусства. Конские гривы трепетали на ветру. Ноги зубров мелькали, схваченные в стремительном движении. Олени высоко скидывали ветвистые рога, словно пытаясь пронзить парящих в небе орлов. Повсюду бегали львы и леопарды, преследуя добычу или же спасаясь от более сильных охотников. В одном месте поднимался на задние лапы могучий пещерный медведь, своим огромным ростом подавляя всех остальных животных.

Девушка с трудом следила за тем, чтобы наступать на ступени лестниц, поскольку ей хотелось смотреть одновременно во все стороны.

– Впечатляющее зрелище! – воскликнула она. – Хотелось бы, чтобы и моя сестра увидела все это...

– По сравнению с этим меркнут жалкие каракули в Ласко, не так ли? – широко улыбнулся Райтсон. – Но это еще не все.

– Что вы хотите сказать? – удивился отец Новак.

– Ну, показать им то, что спрятано у всех на виду? – спросил у Арно Алекс.

Француз молча пожал плечами.

Райтсон предложил своим спутникам оторваться от стен

и обратить свое внимание на центр пещеры. Большое черное пятно на полу, метра два в поперечнике, обозначало то место, где когда-то разжигался главный костер. Рядом стояли три светильника.

Геолог присел на корточки перед панелью выключателей, подсоединенных к электрическому проводу, и попросил:

– Будьте добры, погасите лампы на касках.

После того как все выполнили его просьбу, он щелкнул выключателем, и весь свет погас. В пещере воцарилась темнота.

– А теперь перенесемся на сорок тысяч лет в прошлое, – тоном конферансье, объявляющего главный номер цирковой программы, торжественно произнес Райтсон.

Щелкнул выключатель, и снова вспыхнул свет, исходящий от трех светильников в центре пещеры. Ослепительно яркий, этот свет дрожал и пульсировал.

«Имитация пламени костра», – догадалась Лена.

Она не сразу поняла суть этой демонстрации, но внезапно отец Новак тихо ахнул. Проследив за взглядом священника, Крэндолл посмотрела на стены. Теперь на них плясали огромные тени, поднимающиеся выше вихря сделанных в нижней части рисунков. Их отбрасывало кольцо сталагмитов, поднимающихся над землей. Только тут Лена заметила, что все они были обработаны и обтесаны, для того чтобы создать на стенах армию теней.

Несомненно, эти силуэты обозначали людей: одни из них

держали в руках изогнутые рога, другие потрясали в воздухе копьями. К тому же мерцающий свет придавал нарисованным внизу животным ощущение движения, заставляя их словно бы метаться в панике. Одиноким пещерный медведь стоял лицом к лицу с одной из человеческих фигур, но только теперь в бок могучему зверю вливалось нарисованное тенью копьё. И яростный рев из открытой пасти хищника уже казался проникнутым мучительной болью криком.

Лена медленно сделала полный круг, заворуженно разглядывая образы. В груди у нее разлился страх. Даже отец Роланд осенил себя крестным знаменем.

– Довольно этих глупостей! – резко промолвил Арно.

Райтсон послушно щелкнул выключателем, и вспыхнул общий свет.

Крэндолл сделала глубокий вдох, наполняя легкие терпким воздухом. Она попыталась нащупать ногами стальные ступени лестницы, чтобы найти твердую опору в настоящем.

– По... потрясающе, – наконец выдавила девушка. – Но что, по-вашему, это означает? Это изображение охоты, рассказ о мастерстве племени, отслеживающего и убивающего добычу?

Какое-то время все молчали, а затем слово взял отец Новак:

– Мне кажется, что это предостережение. – Священник покачал головой, словно не зная, как точно выразить словами свои чувства.

Лена поняла, что он имеет в виду. Действительно, эта картина не производила впечатления хвалебного повествования о воинах, ловко владеющих копьем и дубинкой. Наоборот, она была больше похожа на оскорбление, жестокое и безжалостное.

– Подобные загадки решать не нам, – заявил Арно, снова увлекая своих спутников вперед. – Мы привели вас сюда не за этим.

Француз направился к противоположному концу пещеры с рисунками, где находился выход. Проходя мимо обработанных сталагмитов, Лена хотела остановиться и осмотреть их, чтобы понять, каким образом древним людям удалось создать такую достоверную иллюзию формы и движения, но Дейн быстро шел вперед.

Дальше светильников уже не было. За отверстием в стене начиналась крошечная темнота. Крэндолл снова включила фонарик на каске, и луч света пронзил темноту, открывая короткий проход, который заканчивался выкрошившейся стеной.

Арно повел своих спутников по проходу, плавно поднимающемуся вверх.

– Коридор был замурован, – пробормотал вслух отец Новак, несомненно, удивленный не меньше Лены.

– Эта стена не может быть делом рук людей эпохи палеолита, – заметила та, проводя рукой по сцементированным вместе кирпичам. – Но все равно она очень старая.

Шагнув вперед, Райтсон наклонился и высветил лучом фонарика пробитое в стене отверстие, в которое мог пролезть человек.

— Проход продолжается за этим препятствием еще ярдов пятьдесят, а дальше заканчивается завалом, — рассказал он своим спутникам. — Полагаю, когда-то он служил входом в систему пещер. Несомненно, кто-то замуровал коридор, чтобы никого не впускать внутрь. А затем землетрясение запечатало пещеры еще надежнее.

— Получается, что одно землетрясение их запечатало, а другое открыло... — пробормотала Лена, заглядывая в отверстие.

— Именно так. Погребенные тайны обладают упрямой привычкой возвращаться, — заметил Алекс.

— Что находится за этой стеной? — спросил Новак.

— Те самые тайны, ради которых мы пригласили вас сюда. — Выпрямившись, Райтсон гостеприимно указал на отверстие.

Сгорая от любопытства, Крэндолл первая поползла на четвереньках вперед, следуя за лучом фонарика на каске. Древняя стена имела два фута в толщину. С противоположной стороны находилось небольшое помещение, обложенное со всех сторон кирпичом и похожее на маленькую часовню.

Отец Роланд присоединился к девушке, направив свет своего фонаря на свод пещеры, образованный двумя пересекающимися арками.

– Мне знаком этот архитектурный прием, – заметил он потрясенным голосом. – Подобная готическая кирпичная кладка была широко распространена в Средние века.

Лена не слышала его. Все ее внимание было приковано к нише в одной из стен, высеченной в камне. Внутри в небольшом углублении в полу лежал скелет, скрестивший руки на груди и окруженный ровным кругом из камней. А вокруг скелета, внутри этого каменного круга, были тщательно разложены мелкие кости – ребра, кисти, ступни и крошечные фаланги пальцев, образующие сложный рисунок, обладающий каким-то смыслом.

– Может быть, это могила одного из тех, кто давным-давно замуровал этот проход? – предположил отец Новак.

– Судя по форме таза, это мужчина. – Склонившись над скелетом, Крэндолл провела лучом фонарика от его головы до ног, жалея о том, что освещение такое слабое. – Но посмотрите на череп, на массивные надбровные дуги! Если не ошибаюсь, это останки *Homo neanderthalensis*.

– Неандертальца? – переспросил священник.

Женщина кивнула.

– Я слышал, подобные останки были обнаружены в Хорватии и в другом месте, – повернулся к ней Новак.

– Вы совершенно правы. В пещере Виндия.

Теперь Лена начала понимать, зачем ее пригласили сюда. Именно специалисты Института Макса Планка проводили анализ ДНК останков из Виндии. Эта находка позволила

им составить первый полный геном неандертальца.

– Но я полагал, что неандертальцы не рисовали на стенах пещер? – спросил Роланд, оглядываясь в сторону главной пещеры.

– Это спорный вопрос, – ответила Крэндолл. – В Испании есть пещера Эль-Кастильо. Там полно рисунков – отпечатков человеческих рук, изображений животных, абстрактных узоров... Возраст пещеры позволяет предположить, что часть этих рисунков была выполнена неандертальцами. Однако все это еще подвешено в воздухе, и вы правы в том, что здешние работы выполнены на очень высоком уровне. Самые красивые наскальные рисунки, вроде тех, которые были найдены во Франции, в пещерах Ласко и Шове, – это дело рук первых людей. Еще никто не находил таких сложных и талантливых рисунков, сделанных неандертальцами.

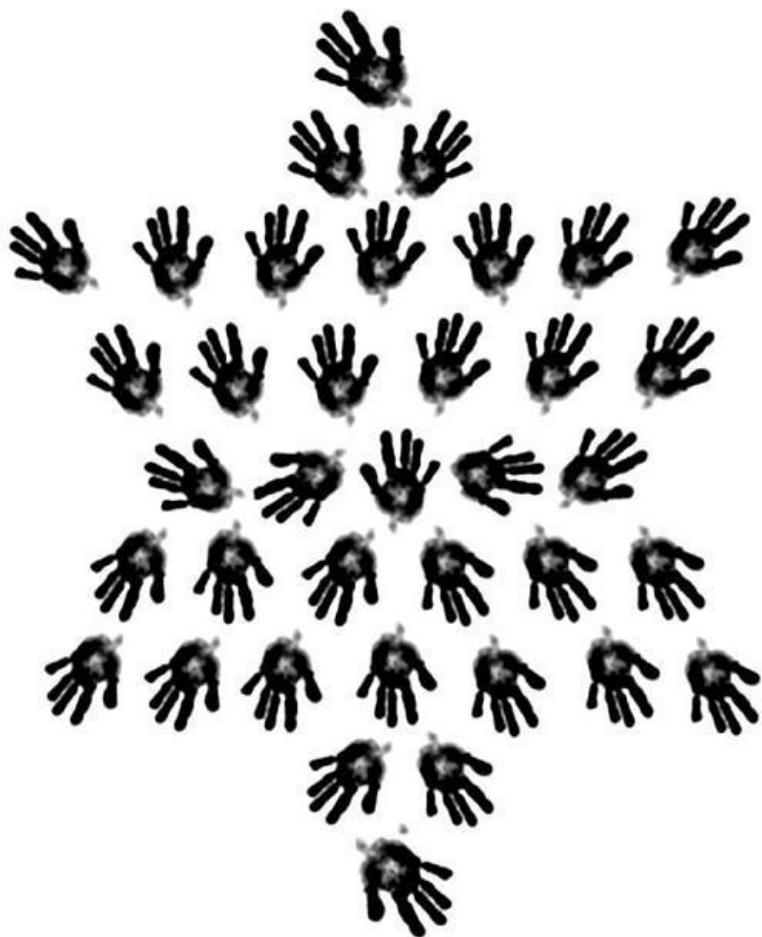
«До сих пор», – добавила она про себя.

У них за спиной раздался голос Арно, пробравшегося в часовню вместе с Райтсоном:

– Вот почему мы обратились за помощью к вам, доктор Крэндолл, и к другим генетикам. Чтобы установить, действительно ли в этой пещере обитали неандертальцы. А если это так, то выяснить, почему они были совершенно другими и с таким увлечением разрисовывали стены.

Лена снова посветила на могилу, на еще одно изображение – рисунок, состоящий из отпечатков рук, образующих шестиконечную звезду. В свете фонарика большие от-

печатки казались рыжевато-бурыми, похожими на засохшую кровь.

Достав сотовый телефон, Крэндолл сделала несколько снимков могилы, затем снова переключила свое внимание на лежащий в углублении скелет, гадая, не принадлежат ли эти отпечатки рук покоящемуся здесь неандертальцу. Ей также вспомнились жуткие тени, пляшущие на стенах, и слова Роланда:

«Мне кажется, это предостережение».

– Что подводит нас к следующей загадке... – кашлянув, нарушил молчание Райтсон. – Которая предназначается уже отцу Новаку.

11 часов 52 минуты

Услышав свою фамилию, Роланд оторвался от лежащих в могиле останков.

«Разве не загадка уже то, что кто-то похоронил останки неандертальца в средневековой часовне?» – мысленно спрашивал он себя.

– Один последний шаг, мой дорогой отец Новак, – сказал Райтсон, указывая еще на одно отверстие, пробитое в кирпичной стене. – По словам геолога, за этой стеной начинался проход, который когда-то вел на поверхность.

Охваченный любопытством, Роланд прополз в отверстие и выпрямился в проходе за стеной. Посветив фонариком

вперед, он не увидел ничего необычного – если не считать параллельных полос на полу, глубоко процарапанных в слоях известковых отложений.

Подойдя к нему, Алекс также посмотрел на странные следы.

– Похоже, здесь протащили что-то тяжелое. По всей вероятности, это сделал тот, кто замуровал проход.

– И вы считаете, что я помогу вам разрешить эту загадку? – спросил священник.

– Не знаю, сможете ли, но в одном вопросе, уверен, вы окажете нам содействие.

Взяв Роланда за плечи, Райтсон развернул его к стене, через которую они только что пробрались. Лишь сейчас Новак увидел металлическую пластину, прикрученную к стене наподобие таблички на надгробии.

– На ней что-то написано, – сказал Райтсон, поднося свет ближе. – На латыни.

Роланд присмотрелся. Время и коррозия скрыли некоторые высеченные на табличке буквы, но надпись определено была на латыни. Отец Новак разобрал несколько фраз, в том числе и последнюю строчку, а также подпись человека, оставившего это послание.

– *Reverende Pater in Christo, Athanasius Kircher*, – прочитал он вслух, после чего перевел: – Преподобный отец во Христе, Атанасий Кирхер. – Потрясенный, священник оглянулся на Райтсона. – Мне... мне знаком этот человек. Моя диссер-

тация посвящена ему и его работам.

— Это обстоятельство мне прекрасно известно. Вот почему Ватикан направил сюда именно вас. — Алекс кивнул на табличку. — Ну а остальной текст?

— Я могу прочитать только обрывки, — покачал головой Роланд. — Имея время и нужные растворители, возможно, я смогу восстановить всю надпись... Но последнюю длинную строчку я могу разобрать прямо сейчас. Переводится она приблизительно как «пусть никто не пройдет сюда, иначе на него падет гнев Господень».

— Должен сказать, это предупреждение несколько запоздало, — пробормотал Райтсон.

Не обращая внимания на его слова, Новак продолжал изучать табличку.

А вот и еще одно предостережение.

Издалека донеслись отголоски грома. В горах наконец разразилась гроза.

— Пора уходить, — сказал Алекс, возвращаясь в часовню.

По пути они захватили своих спутников. Войдя в главную пещеру, геолог указал вперед:

— Нам нужно подняться на поверхность до того, как...

Ему не дал договорить оглушительный раскат грома. Все светильники разом погасли, и единственным источником света остались фонарики на касках. Из непроницаемого мрака впереди донесся крик.

Однако теперь это были не голоса ведьм из старинных

преданий.

Вдалеке прозвучали отголоски выстрелов.

Арно схватил Роланда за руку:

– На нас напали!

Глава 2

*29 апреля, 06 часов 08 минут по
восточному летнему времени*

Лоренсвилль, штат Джорджия

Он просыпается в ужасе.

Гул в висках заставляет его двигаться. Он скатывается с кровати, и в этот момент у него перед глазами мелькает образ, лицо...

Мама!

Он бросается через погруженную в темноту комнату к окну и сначала хлопает по толстому стеклу ладонью, а затем ударяет кулаком. В груди нарастает давление, которое он уже не может сдерживать. Он кричит, давая выход отчаянию.

Наконец вверху зажигается свет, и за стеклом появляется лицо. Но это не то лицо, которое ему нужно.

Он подносит большой палец к подбородку, повторяет это движение снова и снова.
Мама, мама, мама...

06 часов 22 минуты

Марию Крэндолл разбудил резкий стук в дверь. Охваченная смутным предчувствием тревоги, она рывком приподнялась на локте. Бешено заколотилось сердце. Лежавшая на груди книга упала на пол. Потребовалось какое-то мгновение, чтобы вспомнить, где она находится – всего мгновение, поскольку ей уже пришлось провести на работе много ночей.

Успокоившись, Мария посмотрела на стоящий на соседнем столе монитор. По экрану бежали результаты последнего генетического анализа. Крэндолл поняла, что заснула, дожидаясь завершения работы программы.

Проклятие... программа все еще работает...

– Д... да? – с трудом выдавила Мария.

– Доктор Крэндолл! – окликнул ее голос из-за двери лаборатории. – Прошу прощения за то, что беспокою вас, но у нас кое-какие неприятности с Баако. Я решил, что вас следует поставить в известность.

Мария уселась на кушетке. Она узнала гнусавый голос студента факультета животноводства Университета Эмори.

– Хорошо, Джек, я сейчас приду, – откликнулась она.

Затем, поднявшись на ноги, глотнула выдохшуюся диетическую кока-колу из стоявшей на столе банки, прогоняя утреннюю сухость во рту, и вышла в коридор.

Там ее встретил дежуривший в этот день Джек Руссо.

– В чем дело? – спросила Крэндолл, стараясь избежать того, чтобы в ее голосе прозвучало обвинение, но все же материнский инстинкт заставил ее говорить резче, чем она собиралась.

– Не знаю. Я чистил соседнюю клетку, и вдруг он просто взбесился! – пожаловался Руссо.

Мария подошла к двери, ведущей в жилище Баако. Там, внизу, у него были своя игровая комната, спальня и класс, отделенные от остального здания. Днем ему также разрешалось вволю побегать под наблюдением в лесах, раскинувшихся на площади в сто акров, в которых размещалась научно-исследовательская станция Национального центра изучения приматов Йеркес. Главное отделение центра находилось в тридцати милях отсюда, в Университете Эмори в Атланте.

С точки зрения Марии, это все равно было слишком близко. Она предпочитала полную автономию, которой пользовалась здесь, в Лоренсвиле. Ее независимая тема исследований финансировалась за счет гранта, выделенного УППО-НИР в рамках новой программы Белого дома «Мозг», целью которой было исследование головного мозга с помощью инновационных нейротехнологий.

Защитившая два диплома, по геномике и психологии по-

ведения, в Колумбийском университете, Мария вместе со своей сестрой Леной получила персональное приглашение заниматься уникальным проектом исследования эволюции человеческого разума. Проект получал дополнительное финансирование от немецкого Института эволюционной антропологии Макса Планка, где сестра-близнец Марии в настоящее время занималась параллельными исследованиями в области геномики.

Подойдя к последней двери, Крэндолл приложила электронную карточку-ключ к считывающему устройству. Дверь открылась, и она быстро вошла внутрь. Джек следовал за нею по пятам. На целую голову выше ее ростом, он был одет в свободный комбинезон защитного цвета с эмблемой Университета Эмори на плече. Молодой человек непрерывно возбужденно теребил свою жиденькую светлую бородку. Его неухоженные длинные волосы были стянуты на затылке банданой, в полном соответствии с последней студенческой модой.

– Всё в порядке, – постаралась успокоить встревоженного студента Мария, входя в лабораторию. – Может быть, ты сходишь за Танго? Это всегда помогает.

– Будет сделано! – с облегчением ответил Руссо, спеша к соседней двери.

Крэндолл подошла к большому окну с защитным стеклом толщиной три дюйма. За окном находилось помещение, заваленное здоровенными кубами всех цветов радуги, на кото-

рых были нарисованы буквы алфавита. Они были похожи на обыкновенные детские кубики, но каждый имел целый фут в длину и высоту и был сделан из толстой прочной пластмассы. У дальней стены стояла белая доска с набором цветных маркеров, а единственной мебелью в помещении были широкий стол и несколько стульев.

Это был класс, в котором занимался необычный ученик.

Сейчас этот ученик расхаживал на четвереньках перед окном, время от времени размахивая правой рукой, словно разговаривая сам с собой. Не вызывало сомнений, что он был чем-то возбужден.

– Баако! – окликнула его Мария, прижимая ладонь к стеклу. – Всё в порядке, я здесь!

Издав приветственное гуканье, Баако направился к ней.

Подойдя к двери, Крэндолл отперла ее электронным ключом и шагнула в расположенную за ней маленькую клетку. Открыв дверцу клетки, она прошла в класс, присоединяясь к своему ученику.

Выпрямившись, Баако поспешил к ней. Подойдя к женщине, он обхватил ее за талию своей теплой волосатой рукой и прижался массивным лбом к ее груди, несомненно, ожидая, чтобы его утешили.

Мария уселась на пол, знаком предложив своему подопечному последовать ее примеру. При этом она внимательно наблюдала за ним, читая язык его движений.

Баако был трехлетним самцом западной равнинной го-

риллы. Он был еще совсем молод и при росте четыре фута весил сто пятьдесят фунтов. Обладая большой физической силой, Баако оставался нескладным. Он опустился на пол рядом с Марией, и его большие глаза цвета темной карамели уставились на нее, полные тревоги. Губы его растянулись, обнажая кончики белых зубов.

Воспитывавшая Баако с рождения, Крэндолл знала о нем все – от поведения до мельчайших тонкостей психологии. Раз в квартал обезьяна проходила полное медицинское обследование. При этом измерялись размеры ее растущего тела, но основное внимание уделялось анатомии черепной коробки и строению головного мозга.

Прижимая гориллу к себе, Мария провела пальцами по стреловидному шву, проходящему посередине ее черепной коробки. Даже нижнечелюстная и верхнечелюстная кости ее питомца были выражены не так сильно, в результате чего лицо у него получилось более плоским, чем это обычно было свойственно приматам.

– Итак, мой мальчик, что у тебя случилось? – спросила девушка.

Баако сжал кулаки, а затем растопырил пальцы и провел ими по своей груди.

«Страшно».

Отвечая и голосом, и жестом, Мария повторила движения обезьяны, закончив тем, что вытянула раскрытые руки вперед, ладонями вверх, и слегка пожала плечами:

– Чего ты испугался?

Горилла ткнула себя большим пальцем в подбородок, оттопырив остальные пальцы.

«Мама».

Крэндолл знала, что горилла считает ее матерью, и это во многих отношениях соответствовало истине. Хотя жизнь Баако дала не Мария, она усыновила его и вырастила как родного ребенка. Кроме того, даже с биологической точки зрения Баако формально принадлежал ей. Он не был обыкновенной гориллой. Его уникальный геном был подправлен в лаборатории, а уже потом получившегося искусственного зародыша выносила суррогатная мать, самка гориллы.

– У меня все хорошо, – заверила девушка Баако, подчеркнув свои слова крепким объятием. – Можешь сам в этом убедиться.

Высвободившись, Баако покачал головой.

Он снова изобразил знак, означающий мать, после чего обхватил подбородок правой рукой и резко опустил его на левую, сжатую в кулак с оттопыренным большим пальцем, указывающим на Марию.

«Мама-сестра».

Крэндолл кивнула, начиная понимать, что он хочет сказать.

«Баако тревожится за Лену».

У обезьяны было две матери: Мария и ее сестра. Он относился к ним абсолютно одинаково. Первое время сестры

считали, что Баако их путает, поскольку они, как и положено однойцовым близнецам, были очень похожими внешне. Однако вскоре стало очевидно, что он без труда различает девушек, в отличие от их коллег по работе.

Горилла повторила первый знак, снова и снова:

«Страшно, страшно, страшно...»

– Не надо волноваться, Баако! Мы же с тобой обо всем говорили. Сейчас Лены здесь нет, но она обязательно вернется. С нею все в порядке, – попыталась уверить его приемная мать.

Она подкрепила свои слова знаком: «ОК».

И снова Баако покачал головой и показал жестом, что ему страшно.

Тогда Мария вернулась к своему первому вопросу, выразительно жестикулируя, чтобы вытянуть из обезьяны причину ее тревоги:

– Чего ты испугался?

06 часов 30 минут

Он тяжело опускается на зад и пристально смотрит на свои раскрытые ладони. Он сжимает и разжимает пальцы, пытаясь придумать, как выразиться так, чтобы его поняли. Наконец, он прижимает пальцы ко лбу, а затем разворачивает ладонь к матери.

«Не знаю».

Потом он проводит левой рукой по груди и дважды тычет большим пальцем правой себя в лицо, ударяя по запястью левой рукой.

«Опасность».

Мать хмурится, после чего обводит взглядом комнату и останавливается на куче одеял на кровати. Она прикасается ко лбу указательным пальцем, затем поднимает его и, согнув дважды, начинает говорить:

– Баако, тебе это просто приснилось.

Он шумно вздыхает.

– Баако, ты уже знаешь про сны. Мы с тобой об этом говорили, – убеждает его мать.

Он качает головой, а затем повторяет ее жест.

«Не сон».

Об часов 40 минут

В выражении лица Баако Мария прочитала уверенность. Определенно, обезьяна не сомневалась в том, что Лена в опасности. И внезапно она вспомнила, какую необъяснимую тревогу ощутила сама, когда проснулась на кушетке.

А у меня какие причины для беспокойства?

Мария не раз читала о том, что между близнецами может устанавливаться особая связь. Бывали случаи, когда они с сестрой чувствовали друг друга, даже разделенные большим расстоянием. Точно так же и у животных иногда развивается похожая сверхъестественная способность: например, собаки подходят к двери за несколько минут до неожиданно-го возвращения хозяина. Однако Мария, как ученый, придавала подобным утверждениям мало значения, предпочитая эмпирические данные неподтвержденным рассказам.

И все же...

Может быть, лучше позвонить Лене?

По крайней мере, голос сестры по телефону успокоит Ба-ако.

И меня тоже.

Крэндолл взглянула на часы, пытаясь сообразить, сколько сейчас времени в Хорватии. Они с Леной разговаривали почти каждый день – или по телефону, или через Интернет. Сестры сравнивали свои результаты, рассказывали друг другу о последних событиях... Нередко они говорили часами, стараясь, несмотря на разделяющее их расстояние, подкреплять связывающие их узы. Мария знала, что с близнецами такое бывает часто, но их с сестрой спяли еще крепче невзгоды и общее горе.

Девушка закрыла глаза, вспоминая маленькую квартиру в Олбани, в штате Нью-Йорк, в которой они с сестрой выросли...

Дверь в детскую приоткрывается:

– Где два моих котенка?

Мария еще крепче прижимается к Лене. Сестры лежат под одним одеялом на двуспальной кровати. Им уже по девять лет, но они всегда ложатся спать вместе, если матери нет дома. Отца своего они никогда не видели, но Лена иногда берет альбом с фотографиями. Сестры всматриваются в лицо отца на снимке и выдумывают истории о том, куда он уехал и почему оставил их, когда они были еще совсем маленькими. Иногда отец предстает в этих рассказах героем, иногда – злодеем.

– Кажется, я слышу под одеялом мурлыканье...

Лена хихикает, и сестра присоединяется к ней.

Мать стаскивает одеяло, и Мария ощущает свежий запах персикового мыла.

Мать, вернувшись домой, первым делом всегда моет руки.

– Вот где мои котята! – говорит женщина, тяжело опускаясь на кровать.

Она очень устает, работая сразу на двух

работах: по ночам в винном магазине за углом, а днем – в универмаге распродаж «Кост-ко», расположенном в противоположном конце города. Мать крепко обнимает девочек, а затем мягко отправляет Марию в свою кровать.

Весь день сестры проводят дома одни. Няня стоит слишком дорого. Но их приучили после школы сразу же приходить домой и крепко запира́ть дверь. И близняшки ничего не имеют против. Они играют вдвоем или смотрят мультфильмы.

Как только Мария ложится к себе в кровать, мать целует ее в лоб.

– Засыпай скорее, мой котенок!

Девочка пробует мяукнуть, но вместо этого зева́ет и проваливается в сон еще до того, как мать закрывает дверь...

Громкий стук вернул Марию в настоящее.

Она обернулась к окну. За стеклом ей махал рукой Джек, показывая конец поводка.

Кашлянув, девушка крикнула:

– Заходи!

Она постаралась взять себя в руки и отбросить в сторону тревогу за Лену. И все же беспокойство не оставляло ее: Мария по своему опыту знала, как быстро может изменить-

ся жизнь, как в одно мгновение может исчезнуть бесследно любимый человек. Когда сестры учились в колледже на втором курсе, среди ночи в общежитии раздался звонок. Винный магазин, в котором ночью подрабатывала их мать, подвергся вооруженному ограблению. Мать лежала мертвая на полу.

С этого момента сестры остались одни.

Мария ощутила еще один резкий укол тревоги.

Лена, пусть у тебя все будет в порядке...

Увидев направляющегося к двери Джека, Баако возбужденно загукал, поднимаясь на ноги: он обрадовался появлению не столько дежурного, сколько того, кто обыкновенно сопровождал студента на конце поводка.

Однако Мария обратила внимание на то, что Руссо пришел не один, и появление его спутника было не таким желанным. В окне показалась лысая голова директора исследовательской лаборатории. Судя по всему, известие об утренних проблемах дошло и до доктора Траска.

Крэндолл выпрямилась, внутренне готовясь к предстоящему неприятному разговору. Джек вошел первым и, толкнув дверь клетки, спустил своего подопечного с поводка.

Баако восторженно запыхтел, встречая долгожданного гостя. Серый с черной мордой щенок австралийской овчарки с разбега запрыгнул на него, и они вместе покатались по полу. Танго было десять месяцев от роду, и по собачьим меркам он считался таким же подростком, каким был Баако по обе-

зьяньим. Полгода назад горилла выбрала его из группы маленьких щенят, и с тех пор они стали лучшими друзьями.

– Я слышал, у вашего подопытного возникли кое-какие проблемы, – хмурясь, сказал доктор Леонард Траск, проходя в комнату.

– Ничего серьезного, – ответила Мария, указывая на резвящуюся парочку. – Как вы сами можете видеть.

Не обращая внимания на животных, директор скрестил руки на груди:

– Вы читали рекомендации ученого совета. Ваш подопытный растет, взрослеет... Необходимо позаботиться о мерах предосторожности.

– То есть запирайте его в клетке, когда он не находится под непосредственным наблюдением, – проворчала девушка.

– Это необходимо делать ради безопасности как самого подопытного, так и всех тех, кто здесь работает. – Траск махнул рукой на Джека. – Что, если бы обезьяна разбила окно и вырвалась на свободу?

– У него недостаточно сил... – запротестовала Крэндолл.

– Пока что недостаточно, – перебил ее начальник. – Лучше приучить подопытного к клетке в раннем возрасте, чем заниматься этим потом.

– Я уже направила в ученый совет подборку материалов о том, как содержание приматов в клетке задерживает их интеллектуальное развитие, – не желала сдаваться Мария. – Обезьяны обладают способностью к самосознанию, они по-

нимают, что такое прошлое и будущее, умеют мыслить абстрактно. У таких высокоразвитых животных изоляция и содержание взаперти может замедлить процесс психологического развития, что, в свою очередь, приведет к стрессам и нервным срывам вплоть до полномасштабного психоза. Вот в чем главный вопрос безопасности.

— Ученый совет принял во внимание ваши доводы и вынес свое заключение. У вас есть сорок пять дней, чтобы выполнить все сделанные вам предписания.

Мария знала, что ученый совет безропотно поддерживает любые решения директора. Но прежде чем она успела что-либо возразить, Траск повернулся к ней спиной и вышел. Девушка не стала его останавливать, понимая, что в основе этого спора лежит профессиональная зависть. По сравнению с грантом, выделенным на проводимые Марией исследования, меркли все остальные работы, которыми занимался в настоящее время центр, и, как следствие этого, именно ей в первую очередь выделялись все ресурсы, в частности, помещения.

Крэндолл слышала о том, что Леонард хочет расширить свою собственную программу трансплантации с использованием подопытных шимпанзе. Ознакомившись с его программой, она пришла к выводу, что директор центра не предлагает ничего нового. Кроме того, работы Траска были сопряжены с неоправданной жестокостью по отношению к подопытным животным.

Тем больше оснований стоять на своем.

Мария обернулась к Баако, нянчившему щенка. На всем протяжении ее разговора с начальником обезьяна вела себя тихо, словно почувствовав напряжение. Быть может, Баако даже понял, что именно он является главным предметом спора. Окинув взглядом просторное помещение, служившее его спальней, девушка попыталась представить себе, каково будет запираить гориллу на ночь в клетке.

Но разве эти помещения уже не являются клеткой?

Крэндолл вновь ощутила знакомое чувство вины. Она со знавала, что ее неприязнь по отношению к Траску в значительной мере обусловлена ее собственным внутренним конфликтом, касающимся этических вопросов ее исследований. Мария делала все возможное, чтобы свести к минимуму стресс для Баако. Она категорически отказывалась от любого медицинского вмешательства: ничего, кроме анализа крови и томографии. Кроме того, она стремилась занимать, развлекать обезьяну.

«И все же, правильно ли я поступаю?»

Во многих странах исследовательские работы с высшими приматами запрещены: в Новой Зеландии, Нидерландах, Великобритании и Швеции. А вот в Соединенных Штатах таких ограничений нет. Подобные работы могут проводиться в центре изучения приматов.

Баако негромко фыркнул, возможно, почувствовав беспокойство хозяйки. Он прижал кулаки к груди, стремясь под-

держат ее этим жестом.

– Я тебя тоже люблю, – улыбнулась Мария.

Показав на щенка, горилла повторила свой жест.

– Да, и Танго я тоже люблю, – заверила его девушка.

Удовлетворившись этим, Баако поднялся на ноги, взял старое одеяло и начал играть со щенком в «перетягивание каната».

Убедившись в том, что тревоги гориллы развеяны, Крэндолл направилась к выходу, приняв твердое решение.

Надо позвонить Лене.

Глава 3

*29 апреля, 12 часов 45 минут по
восточноевропейскому летнему времени*

Округ Карловач, Хорватия

Лена распласталась на животе на скользком от грязи камне. Рядом с ней, плечом к плечу, учащенно дыша, лежал отец Новак. Они спрятались в расселине, отходящей от главной пещеры. Низкий вход в их укрытие позволял видеть только то, что находилось не выше уровня колен.

Лежа в кромешной темноте, Крэндолл пыталась определить, что происходит снаружи. Угрожающе громыхал гром, свидетельствуя о разразившейся в горах грозе, а позади звучал характерный рев бегущей подземной реки. Лена готова была поклясться в том, что с тех пор, как они с отцом Роландом укрылись здесь, шум воды стал громче. Она мысленно представила себе, как река взбухает от просачивающейся сверху дождевой воды.

А может быть, просто в темноте звуки ка-

жутся громче...

В вынужденном ожидании чувства девушки обострились до предела. Во рту чувствовался медный привкус страха. Сердце гулко колотилось в грудной клетке, и эти удары передавались через ребра камню, на котором она лежала.

– Что там происходит? – выдохнула Лена.

Вопрос был риторическим, но отец Новак все-таки ответил на него:

– Быть может, нападавшие ушли. После того, как Арно и Райтсон отдали себя в их руки.

Девушке очень хотелось надеяться, что оба ученых живы.

Как только прогремели первые выстрелы, пещера наполнилась громким голосом, усиленным мегафоном. Неизвестные потребовали, чтобы геолог и палеонтолог вышли к ним. Судя по всему, нападавшие застигли врасплох дежурившее наверху подразделение французских горных стрелков, и теперь вход в пещеру был в их руках. У Лены в ушах до сих пор стоял категорический приказ:

– Если хотите жить, выходите с поднятыми руками!

Приказ был повторен по-английски и по-французски.

Услышав его, Райтсон быстро принял решение:

– Ублюдки требуют, чтобы к ним вышли только мы двое. – Он посмотрел на Роланда и Лену. – Но о вас они ничего не сказали. Вероятно, тот, кто спланировал нападение, не знал о том, что мы берем вас с собой. Первоначально ведь предполагалось, что вы спуститесь под землю только через день, но

затем прогноз погоды с обещанием грозы заставил нас ускорить события. Так что оставайтесь здесь и не высовывайтесь.

Конечно, этот план был сопряжен с риском, однако он давал надежду. При счастливом стечении обстоятельств Новак и Крэндолл, благополучно выбравшись на поверхность, смогут поднять тревогу. Не имея выбора, они забрались в расщелину, а двое ученых направились к выходу, навстречу своей судьбе. Какое-то время Лена оставалась в напряжении, ожидая услышать выстрелы, свидетельствующие о расправе над ними.

– Кто-то идет сюда, – прошептал священник, сжимая ей пальцы.

После его предупреждения Крэндолл и сама увидела слабый отсвет, который проникал из соседней пещеры, ведущей к поверхности. В главную пещеру вышла группа людей в черном боевом снаряжении и в касках. Не обращая внимания на старательно уложенные лестницы, призванные сохранить собрание доисторических костей, боевики двинулись напрямик, освещая дорогу фонариками. Отряд пересек пещеру и скрылся в проходе, ведущем к необычному погребению внутри заложенной кирпичом часовни.

– В чем дело? – шепотом спросил отец Новак.

Сквозь захлестнувший ее страх Лена ощутила ярость. Грабители всех мастей так часто разоряли места археологических раскопок! Определенно, кто-то прознал об этой находке и поспешил забрать отсюда все ценное, пока никто не

опомнился.

Из дальнего прохода донесся шорох, а также громкий треск раскалывающихся камней. Роланд снова крепко стиснул девушке руку.

– Они уже возвращаются! – предупредил он.

Отряд боевиков так же бесцеремонно проследовал по древним останкам в обратном направлении, но теперь двое из них несли длинный ящик, напоминающий пластмассовый гроб. Крэндолл сразу же догадалась, что находится внутри. Она мысленно представила, как останки неандертальца аккуратно извлекают из готической часовни. За такой прекрасно сохранившийся целый скелет на черном рынке можно будет выручить кругленькую сумму. Но в то же время боевики не обращали внимания на другие бесценные сокровища, лежавшие прямо под ногами, круша своими ботинками реликвии стоимостью в сотни тысяч долларов.

Кто они такие?..

Услышав глухой гул, Лена сдавленно ахнула. Проход, откуда только что вышли боевики, исторгнул из себя облако дыма и пыли. Потрясенная девушка не могла поверить своим глазам.

Они только что взорвали часовню...

Но зачем?!

Грабители покинули пещеру, унося с собой весь свет, и как только вокруг опять сгустился непроницаемый мрак, отец Новак начал выбираться из укрытия.

– Лучше немного подождать, – сказала Лена, дергая его за рукав. – Нужно убедиться в том, что грабители ушли отсюда. Священник оглянулся.

– Не думаю, что они собираются возвращаться сюда, но вы правы. Нам лучше еще какое-то время оставаться в укрытии. А тем временем я посмотрю, что осталось после взрыва.

Выбравшись из расселины, он включил фонарик и прикрыл его рукой.

Лена последовала за ним, признавая справедливость его слов. Кроме того, она побоялась остаться в темноте одна. Первые несколько шагов под ней подгибались ноги, но страх быстро улетучился, так как теперь девушка двигалась и у нее была цель, на которой можно было сосредоточить внимание.

Новак шел первым, освещая дорогу фонариком.

Следуя за ним по пятам, Крэндолл то и дело с опаской оглядывалась назад, ожидая увидеть возвращение грабителей. Когда они добрались до дымящегося пролома в стене, она спросила:

– Разве это так важно, осталось ли там что-нибудь?

– Доктор Райтсон пригласил меня сюда, чтобы я помог разрешить историческую загадку, скрытую здесь на протяжении столетий, – отозвался ее спутник. – Я не допущу, чтобы жертва, принесенная им и доктором Арно, была напрасной.

Лена ощутила укол стыда. У нее перед глазами снова возникла картина того, как Алекс и Дейн скрываются в темноте.

А ведь и ее саму тоже пригласили сюда, чтобы она помогла раскрыть тайну...

Но только в ее случае это была тайна *научного* характера.

Перед тем как войти в проход, девушка бросила последний взгляд на резные сталагмиты и впечатляющее панно на скальных рисунков. Отец Роланд прав.

Необходимо выяснить как можно больше.

Пока еще не слишком поздно.

13 часов 16 минут

В качестве единственного представителя Римско-католической церкви Новак намеревался засвидетельствовать осквернение маленькой часовни, которая, судя по всему, была возведена много столетий назад под наблюдением отца Атанасия Кирхера и освящена им. Роланд двигался по проходу, освещая путь фонариком, а в голове у него кружились вопросы.

Почему столетия назад преподобный отец освятил это место? Почему оно оставалось спрятанным – и, что гораздо важнее, почему именно сейчас его разграбили и уничтожили?

Рассчитывая найти ответы, Роланд продвигался сквозь кружащиеся в луче света пыль и дым. Наконец он добрался

до развалин готической часовни. Ее кирпичные стены превратились в груды камней: казалось, они специально были взорваны так, чтобы завалить могилу с ее странными рисунками и старательно разложенными костями.

Шедшая следом за ним американка закашляла, изо всех сил стараясь приглушить звук прижатым ко рту кулаком.

– Похоже, грабители заметали за собой следы, уничтожая все свидетельства своего преступления, – пробормотала она.

– Но вы ведь успели все сфотографировать, да? – спросил ее товарищ по несчастью.

– Успела, черт побери!

Услышав в ее голосе нотки праведного негодования, Роланд улыбнулся. Лена смутилась:

– Прошу прощения, преподобный отец, я не хотела...

– Вы совершенно правы. Я тоже *чертовски* рад, что вы успели сделать снимки. И, пожалуйста, зовите меня просто Роландом. Думаю, время формальностей прошло.

Присоединившись к нему, Лена обвела взглядом взорванную часовню:

– Не думаю, что нам удастся что-либо здесь найти.

– Не сдавайтесь раньше времени.

Осторожно ступая, Новак пробрался через завал. Ему хотелось надеяться на то, что грабители, сосредоточенные на своей цели, не обследовали дальнюю стену часовни, особенно то ее место, где начинался бывший вход в систему пещер.

Но, прежде чем он смог туда добраться, его окликнула Кр-

эндолл:

– Отец... Роланд, идите сюда, взгляните вот на это!

Обернувшись, священник увидел, что американка светит фонариком на стену напротив древнего захоронения. От взрыва часть кирпичей там обвалилась, открывая другую потайную нишу. Подойдя к Лене, Роланд посветил своим фонариком в полость, которая прежде оставалась заложённой кирпичом.

Увидев открывшееся его взору зрелище, он ахнул. На противоположной стене ниши был ещё один наскальный рисунок в виде шестиконечной звезды – также выполненный отпечатками ладоней.

– Он в точности такой же, как и тот, что напротив... – задумчиво пробормотал отец Новак.

– Не совсем, – поправила его девушка.

– Что вы хотите сказать?

Достав свой сотовый телефон, она навела его на стену.

– Эти отпечатки меньше размером, но зато числом их больше, и обратите внимание на следы мизинца... он чуть искривлен, словно был сломан и сросся неправильно. Определенно, эту звезду нарисовал другой человек. И если судить по размерам ладони, то, скорее всего, это была женщина.

Пока Лена делала новые фотографии, Роланд оглянулся на груду камней, скрывающую могилу напротив.

– Возможно, мужчина, выполнивший первый рисунок, был супругом этой женщины.

– Может быть, но этого мы никогда не узнаем. – Крэндолл направила луч фонаря на дно ниши. – Здесь костей нет.

«По крайней мере, больше нет», – добавила она про себя.

Развернувшись, Роланд перебрался через груды камней. Присев на корточки, он осмотрел сдвоенный след, прочерченный на полу, на который уже обращал внимание раньше. Насчитывающий несколько столетий след вел из часовни к бывшему входу в подземелье.

«Быть может, сегодняшние грабители не первые, кто побывал здесь», – пришло священнику в голову.

Поднявшись на ноги, он снова занялся обвалившимся участком кирпичной стены. Поднимая один за другим выпавшие кирпичи, он крутил их в руках, внимательно осматривая, и при этом мысленно бормотал молитвы.

– Что вы ищете? – спросила Лена.

Прежде чем Новак успел ответить, луч его фонарика захватил сверкнувший кусок металла, торчащий из-под камня. Перевернув кирпич, мужчина облегченно вздохнул.

– Вот это, – сказал он, проводя пальцем по имени, высеченному в нижней части прикрученной к кирпичу таблички.

Подойдя к нему, Крэндолл посмотрела на пластинку.

– Возможно, – начал объяснять ей Роланд, – написанное здесь может дать ключ к разгадке этих тайн. Хотя поверхность сильно пострадала от времени, я думаю, что с надлежащим оборудованием смогу...

Вдалеке снова раздался гул, раскатившийся отголосками

по пещере. Новак схватил Лену за руку.

– Что это было? – спросила та.

Боясь произнести ответ, священник поспешил по проходу обратно в главную пещеру, увлекая свою спутницу за собой. Луч его фонарика выхватил новое клубящееся облако дыма и пыли, которое вырывалось из прохода, ведущего в маленькую пещеру и дальше на поверхность.

– Нет... – простонала Крэндолл, догадавшись, что это означает.

Похоже, грабители не удовлетворились тем, что просто взорвали часовню. Они решили запечатать вход в пещеру, тем самым скрыв свое преступление.

– Что будем делать? – спросила Лена.

Отец Роланд начал было что-то отвечать, но тут у них под ногами задрожала земля. Большой кусок похожего на канделябр сталактита, оторвавшись от свода, рухнул вниз и разбился вдребезги о камень, обсыпав ботинок священника белой пылью.

Лена схватила его за плечо, словно пытаясь помешать земле трястись.

Новак вспомнил, что землетрясение силой 5,2 балла оторвало плечо от каменного великана, бывшего горой Клек, и открыло прятавшуюся в его сердце систему пещер. Судя по всему, разыгравшаяся гроза и вес обрушившейся с неба воды явились дополнительной нагрузкой на линию сброса породы, проходящую под горами, вызвав сдвиг, – а может быть,

недавние взрывы спровоцировали новое землетрясение.

Так или иначе, это означало большие неприятности.

Затаив дыхание, Роланд дождался, когда земля наконец перестанет дрожать.

– Все в порядке, – прошептал он, стремясь успокоить не только свою спутницу, но и себя самого.

– Смотрите! – воскликнула Лена, указывая на расселину, где они еще совсем недавно прятались.

Из трещины в скале теперь вырывался поток воды.

Похоже, взрыв изменил гидрологию горы, перепутал вены и артерии великана Клека, направив этот ливневый поток в новое русло. Из других трещин и расселин также текла вода.

Ошеломленная исследовательница смотрела на Роланда, ожидая от него какого-нибудь плана, какой-нибудь надежды.

Но он ничего не мог ей предложить.

Глава 4

*29 апреля, 13 часов 38 минут по
Центральноевропейскому времени*

Париж, Франция

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент.

Коммандер Грейсон Пирс стоял в ванной в гостинице совершенно голый. Из окна номера открывался вид на величественные Елисейские Поля. И все же тот вид, что открывался рядом, был более привлекательным.

Из облака пара, нависшего над горячей водой, приправленной ароматом лаванды, высывалась стройная нога, свешивающаяся через край ванны. Бурлящие пузыри не могли скрыть нежащуюся в воде фигуру. Молодая женщина состояла сплошь из длинных конечностей и плавных изгибов. Она повернулась, и прядь ее влажных, черных, как смоль, волос упала в сторону, открывая изумрудно-зеленые глаза, горящие недовольством из-за неожиданного вторжения.

– Можешь не отвечать, – сказала женщина, распрямляя

ногу и медленно погружая ее в пену, отняв у Грея возможность любоваться этим восхитительным зрелищем.

Ему очень хотелось последовать ее совету, однако это звонил его спутниковый телефон, лежащий на ночном столике. Уникальный сигнал вызова позволял определить звонящего. Это был начальник Пирса, директор «Сигмы» Пейнтер Кроу.

– Он не звонил бы, если б дело могло подождать, – вздохнул Грей.

– А разве когда-нибудь бывает иначе? – пробормотала женщина, полностью скрываясь под водой и снова появляясь на поверхности. По ее широким скулам и изящной шее стекали струйки горячей воды.

Грею пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы отвернуться от ванны:

– Извини, Сейхан.

Пройдя в спальню, Пирс взял телефон. Вот уже три дня они с Сейхан наслаждались прелестями Парижа – по крайней мере, теми, которые можно было увидеть из окна или заказать в номер. После трехнедельной разлуки молодая пара практически не покидала свой номер люкс в гостинице «Фуке Барьер».

Сейхан прилетела в Париж прямо из Гонконга, где она наблюдала за строительством женского приюта, а Грей прибыл с противоположного конца земного шара, из Вашингтона. Он взял небольшой отпуск, решив отдохнуть не только от служебных обязанностей в «Сигме», но и от ухода за сво-

им отцом, страдающим от болезни Альцгеймера. К счастью, в последнее время состояние отца несколько стабилизировалось, поэтому Пирс посчитал возможным отлучиться на непродолжительный срок. В его отсутствие обязанности по уходу за отцом разделили между собой его младший брат и дежурящая днем сиделка.

И все же, отвечая на вызов, Грей не мог избавиться от тревожного предчувствия. Почему-то он решил, что звонок связан с его отцом. Днем и ночью страх лежал у него в груди, подобно гранитной глыбе, твердый, холодный и неподъемный. Какая-то его часть постоянно находилась на взводе, ожидая худшего.

Прижав телефон к уху, Грей дождался установления защищенной связи с центральным управлением «Сигмы». Увидев свое отражение в зеркале над ночным столиком, он прочитал в суровой линии собственного подбородка беспокойство. Раздраженный даже такой краткой задержкой, Пирс нетерпеливо смахнул со лба прядь мокрых волос и провел ладонью по черной щетине на щеках.

«Ну же...»

Наконец соединение было установлено, и тотчас же раздался голос директора:

– Коммандер Пирс, я рад, что наконец связался с вами... Грей, прошу прощения за то, что прерываю твой отпуск, но дело очень важное.

– Что случилось? – спросил Пирс, чувствуя, как волна

страха поднимается в нем все выше.

– У нас проблема. Примерно двадцать минут назад мне поступил срочный звонок от генерала Меткалфа.

Пирс опустился на кровать. Страх его несколько поутих – дело, стало быть, не в отце.

– Продолжайте, – сказал он директору.

– Французская разведка получила отчаянный призыв о помощи от одного из своих подразделений, находящегося в Хорватии.

– В Хорватии?

– В горах. Подразделение французских горных стрелков обеспечивало охрану места археологических раскопок. Похоже, оно подверглось внезапному нападению. До сих пор все попытки связаться с ним окончились ничем.

Грей не видел, какое это имеет отношение к «Сигме», но раз генерал Меткалф позвонил Пейнтеру, дело было очень серьезным. Генерал Грегори Меткалф возглавлял УППО-НИР – Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских разработок – и являлся непосредственным начальником Пейнтера Кроу. Группа «Сигма» действовала под эгидой УППОНИР и состояла из бывших бойцов сил специального назначения, получивших образование в различных областях науки и техники, что позволяло вести борьбу с высокотехнологичными угрозами безопасности Соединенных Штатов.

– Не понимаю, – пробормотал Грей. – По-моему, этим во-

просом, скорее, должны заниматься французские военные. Каким боком это затрагивает «Сигму»?

– Дело в том, что у УППОНИР в этой игре свои ставки. Группа, которую защищали французские горные стрелки, имела интернациональный состав. В частности, в нее входила американская ученая-генетик доктор Лена Крэндолл. Работа, которой она занимается в настоящее время, частично финансируется УППОНИР. Вот почему генерал Меткалф связался с нами: кто-то из «Сигмы» должен отправиться на место и выяснить, что к чему.

«Ну да, а я уже нахожусь практически на месте...» – мысленно вздохнул Пирс.

– Кэт занимается тем, чтобы раздобыть для вас частный самолет, – продолжал Пейнтер. – С ее помощью вы попадете в хорватские горы самое большее часа через два.

Кэт – капитан Кэтрин Брайант – являлась старшим аналитиком «Сигмы» и была правой рукой Кроу. Кроме того, она и ее муж были лучшими друзьями Грея.

– А как насчет Сейхан? – спросил Пирс.

– Кэт предположила, что она тоже отправится с тобой.

Какое-то движение в дверях ванной комнаты заставило Грея обернуться. Его подруга стояла, прислонившись к дверному косяку, обернутая во влажное полотенце – больше на ней ничего не было.

– Куда мы отправляемся? – спросила она, по-видимому, догадавшись, к чему идет разговор.

Грей в очередной раз поразился ее проницательности – мастерству, отточенному до совершенства за те годы, когда Сейхан была наемной убийцей. Даже сейчас в ней оставались потаенные глубины. И тем не менее, несмотря на то что несколько стран по-прежнему разыскивали ее за прошлые преступления, Пирс больше всего на свете хотел, чтобы она была рядом с ним.

И дело было не только в ее умении обращаться с оружием. Пирс окинул взглядом ее тело, полюбовался ее кожей цвета кофе с молоком. Даже неподвижные, руки и ноги этой женщины излучали в равных долях силу и изящество.

– Похоже, наш маленький отпуск завершается досрочно, – заметил Грей.

Пожав плечами, Сейхан отпустила полотенце, прикрывавшее ее торс.

– Если честно, Париж уже начал мне надоедать. Она развернулась, демонстрируя изгиб ягодиц. «А вот это зрелище мне никогда не надоест», – усмехнулся про себя командер.

– В качестве дополнительной меры предосторожности, – вновь подал голос Пейнтер, – я собираюсь параллельно вести расследование здесь, в Штатах.

Внимание Пирса снова оказалось полностью приковано к телефону.

– Что вы хотите сказать?
– Проект, которым занималась доктор Крэндолл, ведет

Университет Эмори. Я направляю группу в Атланту, чтобы поговорить с коллегой доктора Крэндолл, ее сестрой.

– Сестрой?

– Больше того, сестрой-близнецом, доктором Марией Крэндолл. Похоже, эта работа взята на семейный подряд.

– Чем именно занимались эти сестры?

– Большая часть работ засекречена. В настоящий момент даже Меткалф не знает всех деталей. Мне известно только то, что целью работ было установление происхождения человеческого разума.

«Происхождение человеческого разума?»

Заинтригованный, Грей хотел узнать больше. Но он понимал, что Кроу не выложит все до тех пор, пока не получит полный отчет об исследованиях.

– Кого вы отправляете в Атланту? – спросил Пирс.

– В этом-то все дело... Мне нужен человек, свободно владеющий языком глухонемых.

Грей нахмурился. Он не понимал, для чего может потребоваться этот навык, но раз речь шла об изучении человеческого интеллекта... Пейнтер, несомненно, пошлет самого умного и толкового сотрудника «Сигмы».

– Так кто же летит в Атланту? – повторил Грей.

Директор лишь вздохнул.

*07 часов 55 минут по
восточному летнему времени*

– Я думал, она беременна, – растерянно пробормотал Джо Ковальски.

Перед глазами у него все еще стояло взбешенное лицо новенькой женщины-охранника, дежурившей на посту наверху. Он угрюмо шагнул следом за Монком Коккалисом в сердце центра управления «Сигмы».

– И тем не менее никогда нельзя спрашивать у женщины, какой у нее срок, – сказал Монк. – Никогда. Даже если ты уверен, что она вынашивает тройню.

– Всему виной эта проклятая форма, – проворчал Ковальски. – Чертов широкий черный ремень... Я готов был поклясться, что она на сносях!

– Тебе повезло, что она тебя не пристрелила.

А может, и следовало бы...

Ковальски шел по коридору чуть позади Монка, уставившись в потолок. Центральное управление «Сигмы» размещалось под зданием Смитсоновского института в подземном лабиринте бомбоубежищ времен Второй мировой войны. Вернувшись сюда после утренней пробежки по Эспланаде, Ковальски попытался изобразить вежливость, проявив интерес к новой сотруднице. Разумеется, свою роль сыграло и то, что это была хорошенькая девушка с полными губами.

– Ну вот, опять ты сжег все мосты, – с укором произнес Монк.

Его спутник фыркнул, недовольный напоминанием о его последних не слишком завидных любовных похождениях:

– Эта тема уже закрыта.

Пожав плечами, Коккалис провел рукой по своему голому черепу, вероятно, осознав, что шутка зашла слишком далеко. Он был на целую голову ниже Джо и никак не мог рассчитывать на победу в конкурсе красоты. Впрочем, Ковальски тоже прекрасно понимал, что и его достоинства можно по пальцам перечесть. Женщины не раз сравнивали его с обри-той наголо обезьяной – и, наверное, они были еще великодушны по отношению к нему.

Впереди, в дверях, ведущих в центр связи «Сигмы», показалась стройная фигура в наглаженном темно-синем мундире.

– Вот вы где! – сказала Кэт Брайант, подходя к мужчинам. – А я как раз направлялась в кабинет директора.

– Так чем же объясняется этот внезапный вызов? – спросил Монк, беря жену за руку.

Ковальски обратил внимание на этот нежный жест, такой свободный и непринужденный. У него в груди разлилась горечь зависти, приправленная искоркой надежды.

«Раз уж этот парень сумел завоевать сердце такой женщины...»

Впрочем, Коккалис компенсировал недостатки своей

внешности другими бесчисленными достоинствами. В прошлом он служил в спецназе, свидетельством чего было множество шрамов, а теперь занимал должность криминально-медицинского эксперта. Враги ошибочно судили о нем по его грубой, простоватой внешности, недооценивая его мастерство и острый ум, и горько расплачивались за это.

Как-то раз директор Кроу объяснил Ковальски, что свое название «Сигма» получила по греческой букве «Σ», которой в математике обозначается сумма, поскольку эта организация представляла собой объединение всех человеческих способностей – союз мозга и мышц. Несомненно, это определение полностью подходило Монку Коккалису.

Увидев собственное отражение в стекле закрытой двери, Джо окинул взглядом свою здоровенную тушу, толстую шею и крючковатый нос.

«И какого же черта я здесь делаю?»

За время службы в военно-морском флоте Ковальски так и не смог подняться в звании выше простого матроса. И даже в «Сигме» его «научные» познания заключались исключительно в том, чтобы что-нибудь взрывать – хотя нельзя сказать, что это не доставляло ему удовольствия. Но все-таки в глубине души великан сознавал, что, если придется взвешивать его мозг и мускулы, одна чаша весов перетянет.

– Я предоставляю Пейнтеру самому объяснить вам, почему вас вызвали, – заговорила шедшая впереди Кэт. – Мы сами еще не успели разобраться во всех деталях.

Они остановились перед дверью кабинета директора. Ковальски и Монку было приказано вернуться в «Сигму», когда они во время утренней пробежки огибали мемориальный комплекс Линкольна. Оба были в футболках и спортивных трусах.

Брайант первым провела в кабинет директора своего мужа, предоставив Ковальски замкнуть шествие. Они застали Пейнтера Кроу на своем обычном месте, за заваленным бумагами письменным столом. Директор поднял руку, показывая, что должен закончить разговор по телефону. У него за спиной на трех стенах светились огромные плоские мониторы, на которых были выведены различные карты, текстовая информация и полученное со спутника изображение каких-то гор. Штаб-квартира «Сигмы» была погребена глубоко под землей, и мониторы служили директору окнами в окружающий мир.

Закончив разговаривать по телефону, Пейнтер вынул наушник из уха и встал.

– Спасибо за то, что пришли. Похоже, в этом деле потребуются ваши уникальные способности.

Далее директор рассказал о нападении на французских военных в горах Хорватии, подкрепив свой рассказ демонстрацией топографических карт и полученных в реальном времени изображений со спутников, после чего наконец вкратце поведал об ученых, которых охраняли горные стрелки. На мониторе поочередно появились лица исследовате-

лей: геолог-англичанин, палеонтолог-француз, какой-то историк из Ватикана... На последнем снимке была молодая женщина в белом халате. Она улыбалась в объектив, демонстрируя ровные белые зубы, здоровый загар и россыпь веснушек на щеках. Ее длинные темно-русые волосы были забраны в хвост.

Шумно вздохнув, Ковальски одобрительно присвистнул. Пейнтер не обратил внимания на его реакцию.

– Доктор Лена Крэндолл. Генетик из Университета Эмори, – сообщил он своим сотрудникам. – Работала над проектом, финансируемым УППОНИР.

– Чем именно она занималась? – спросил Монк.

Джо это несколько не интересовало. Он не мог оторвать взгляда от фотографии.

– Вот на этот вопрос вы и должны будете дать ответ, – сказал Кроу. – Кэт договорилась о том, чтобы вы сегодня же утром вылетели в Атланту, переговорили с сестрой доктора Крэндолл и выяснили, каким образом их исследования в Университете Эмори связаны с археологическими раскопками в Хорватии. Некоторые элементы этой мозаики по-прежнему отсутствуют.

– А что насчет ученых в Хорватии? – спросил Коккалис.

– В настоящий момент туда уже направляются Грей и Сейхан. – Пейнтер оглянулся на Кэт, ожидая от нее подтверждения, и та кивнула. – Я хочу получить подробности об этих исследованиях к тому времени, как они прибудут на место.

Хрустнув костяшками пальцев, Монк обвел взглядом мониторы, впитывая всю информацию и готовясь к заданию. Кроу положил руку ему на плечо.

– Я рассудил, что ты со своими познаниями в области медицины и генетики как никто другой подходишь для разговора с доктором Марией Крэндолл. К вам также присоединится сотрудник Национального научного фонда, специалист, который занимался финансированием работ. – Он повернулся к Ковальски. – Ну, а ты...

Великан нахмурился, недоумевая, какой вклад он сможет внести в это дело, помимо функции телохранителя.

– А ты лучше всех подходишь для общения с подопечным доктора Крэндолл, краеугольным камнем и кульминацией ее исследований, – закончил его начальник.

– Каким это образом? – заинтересовался Джо.

– Потому что ты свободно владеешь языком глухонемых.

Ковальски наморщил лоб, удивленный тем, что директору известны такие подробности. Впрочем, в изучении прошлого их организации не было равных. Поэтому, естественно, «Сигме» было известно о детстве Джо и о том, как он рос в Южном Бронксе, буквально «по другую сторону от железнодорожных путей»². Его дед и бабка эмигрировали из Польши во время войны. Отец открыл небольшую закусочную, но по

² Типичная застройка городов на западе США в XIX веке включала железную дорогу, которая являлась как бы социальной границей: по одну сторону дороги находились загоны для скота и менее привлекательные районы, а на другой стороне селился средний класс.

выходным пропивал почти всю прибыль. А еще у Джо была младшая сестра Анна, страдавшая от синдрома Гольденхара, врожденного заболевания, которое привело к искривлению позвоночника и практически полной потере слуха. После того как их мать погибла под колесами грузовика, за рулем которого сидел пьяный водитель, отец воспринял эту трагедию как основание пить еще больше, и вся забота об Анне легла на юного Джо.

Великан шумно вздохнул, прогоняя тягостные воспоминания о мучениях, физических и эмоциональных, которые пришлось претерпеть его сестре, умершей в возрасте всего одиннадцати лет. Он поймал себя на том, что непроизвольно сунул руку в карман, к припасенной там сигаре. Его пальцы нащупали целлофановую обертку, и внезапно ему нестерпимо захотелось закурить.

– Если честно, я порядком заржавел, – пробормотал Ковальски.

– А я слышал совсем другое, – возразил Пейнтер. – Я слышал, что ты время от времени работаешь волонтером с глухонемыми детьми в больнице Джорджтаунского университета.

Посмотрев на своего товарища, Монк изумленно поднял брови.

Джо мысленно обругал последними словами пытливую дотошность «Сигмы».

– Так кого именно мне предстоит допрашивать? – поин-

тересовался он вслух.

– Полагаю, будет лучше, если я вместо ответа предоставлю тебе встретиться с ним лично. – Кроу скрестил руки на груди. – Если мы хотим завоевать расположение доктора Крэндолл, прямой контакт с ее подопечным придется очень кстати.

«Как скажете...» Ковальски отвернулся, даже не потрудившись скрыть свое раздражение.

– А что насчет второй сестры, той, которая в Хорватии? – спросил Коккалис. – У вас до сих пор нет никакой новой информации о судьбе исследовательской группы?

– Никакой. – Тон Пейнтера стал мрачным. – Единственное, что мы получили оттуда, это сообщение о том, что регион подвергся серии слабых подземных толчков.

– И, по всей видимости, дальше будет еще хуже, – добавила Кэт.

Глава 5

*29 апреля, 14 часов 15 минут по
восточноевропейскому летнему времени*

Округ Карловач, Хорватия

Сидя на корточках на каменном выступе, Лена поежилась. Фонарик у нее на каске освещал черную гладь озера, разливающегося на дне пещеры.

«Нам нужно поскорее выбираться отсюда...»

За последние двадцать минут прибывающая вода стерла все следы первобытного лагеря, находившегося в этом подземном мире, затопив покрытые известковыми отложениями кости и черные круги на месте древних костров. Оставались лишь верхушки сталагмитов, торчащих из озера, и рисунки на стенах – теперь олени и зубры словно тонули в прибывающей воде.

Несмотря на охвативший ее ужас, Крэндолл скорбела по этой утрате.

Пристроившийся рядом отец Новак убрал в рюкзак сото-

вый телефон и угрюмо покачал головой, показывая, что ему повезло не больше, чем Лене, пытавшейся связаться с внешним миром несколько минут назад. Она хотела дозвониться в Штаты до своей сестры, однако так глубоко под землю сигнал не проникал.

– Нам нужно попробовать перейти в соседнюю пещеру, из которой мы спустились сюда, – предложил священник. – Посмотреть, есть ли оттуда выход. Быть может, подземные толчки что-то сместили и снова открыли проход, заваленный грабителями.

В его голосе не было особой надежды, но Лена кивнула. Ей хотелось делать хоть что-нибудь – по крайней мере, двигаться. Надев на плечи рюкзак, она соскользнула с камня в черное озеро. Ледяная вода тотчас же залилась ей в ботинки и промочила насквозь брюки до колен. Стиснув зубы, Лена сделала несколько шагов.

– Осторожнее! – предупредила она. – Здесь очень скользко!

Отец Роланд, последовавший ее примеру, громко ахнул: – Скользко? Вы бы лучше предупредили, как здесь холодно!

Крэндолл не смогла сдержать улыбку, оценив попытку священника поднять ей настроение. Они пересекли просторную пещеру и направились в проход, ведущий к соседней пещере. Лена мысленно помолилась о том, чтобы там нашелся выход.

Когда они приблизились к входу в коридор, раздался низкий гул, и поверхность озера подернулась рябью.

– Еще один толчок, – заметил Роланд, останавливаясь.

Затаив дыхание, они ждали, опасаясь худшего, но и этот толчок, подобно полудюжине предыдущих, быстро закончился. И все же девушка быстрее зашлепала по воде. Подойдя к отверстию в скале, она посветила внутрь.

– Проход наполовину затоплен.

– Это лучше, чем если бы он был затоплен *полностью*, – заметил Новак.

– Что верно, то верно.

Пригибаясь, чтобы не задеть головой о низкий свод, Лена двинулась в проход. Она дышала глубоко, стараясь не дать волю клаустрофобии. Обычно замкнутые пространства не внушали ей страх, однако сейчас, чувствуя над головой вес целой горы и вынужденная низко пригибаться, приближаясь чуть ли не самым носом к потоку черной воды, девушка ощущала, как у нее в висках гулко стучит кровь.

К счастью, коридор полого поднимался вверх, и к тому времени, как Лена добралась до его конца, вода едва доходила ей до щиколоток. И все же она промокла насквозь, и ей с трудом удавалось не клацать зубами – впрочем, эта реакция лишь отчасти была обусловлена холодом.

Роланду было не лучше. Его колотила сильная дрожь. Осмотрев груды каменных обломков у основания противоположной стены, он закинул голову назад, направляя луч фо-

наря на потолок. Крэндолл поступила так же, добавляя свет своего фонарика. Вдвоем они изучили свод, ища какие-либо следы старого входа, однако взрыв уничтожил все. Сверху стекали лишь тоненькие струйки воды, просочившейся сквозь толщу завала с поливаемой дождем поверхности.

Стиснув кулак, отец Новак пробурчал что-то себе под нос. Он выразился по-сербохорватски, и хотя Лена не поняла его, слова священника были больше похожи на крепкое ругательство, чем на обращенную к Господу молитву.

– Всё в порядке, – попыталась успокоить его девушка. – Мы переждем грозу. И нас обязательно будут искать. Как только что-нибудь услышим, мы начнем кричать, призывая на помощь. Узнав, что мы под землей, спасатели нас откопают.

Роланд взглянул на воду, поднявшуюся уже до середины лодыжек. Он не стал констатировать очевидное, за что Лена была ему признательна. Если их не убьет прибывающая вода, это сделает холод.

Священник кивнул.

– Значит, мы будем ждать и...

Ему не дал договорить тихий стон, донесшийся из темноты слева. Крэндолл стремительно повернулась в ту сторону. Из-за высокого завала показалась черная фигура. Роланд закрыл девушку собой, судя по всему, испугавшись, что это один из грабителей.

Ползущий на четвереньках человек поднял руку, защи-

щая лицо от ослепительного света фонарей на касках.

– *Père Novak... Docteur Crandall...* – прохрипел он по-французски. – *C'est vous?*³

Сместив луч фонаря, Лена увидела знакомое лицо, залитое кровью. Хотя она и видела этого человека лишь мельком, ей без труда удалось узнать командира подразделения французских горных стрелков.

Новак также его узнал.

– Командор Жерар! – воскликнул священник, бросаясь к раненому.

На лице у военного отразилось облегчение. Он вытащил из-за завала свою винтовку – казалось, ее вес помог ему прийти в себя.

– *Q'est-ce que s'est passé?* – хрипло спросил Жерар по-французски, а затем повторил по-английски: – Ч-что произошло?

Крэндолл помогла Роланду осмотреть рану на голове военного. Из ссадины на макушке по-прежнему сочилась кровь. Лена предположила, что эту травму француз получил во время взрыва.

– Как... как вы попали сюда? – спросила она.

Оглянувшись на заваленный взрывом проход, Жерар заговорил – медленно, запинаясь, все еще оглушенный:

– Когда мы подверглись нападению, я поспешил сюда, чтобы защитить вас. В этом заключалась наша главная задача.

³ Отец Новак... доктор Крэндолл... это вы? (*фр.*)

Лена поняла. *Первым делом нужно обеспечить безопасность гражданских лиц.*

– Но враги действовали слишком быстро, – продолжал командор. – Я едва успел спрятаться, как они, все вместе, спустились вниз. Я услышал, как они кричат, требуя, чтобы Райтсон и Арно вышли к ним. Увидев, что вас вместе с ними нет, я предположил, что ученые вас спрятали. Чтобы защитить, *n'est-ce pas?*⁴

Крэндолл кивнула, подтверждая справедливость его догадки.

– Их было слишком много, и я побоялся напасть на них, чтобы освободить профессоров, – вздохнул француз. – Подобная попытка привела бы только к тому, что их обоих убили бы. Поэтому я стал ждать, надеясь спасти вас, а затем, когда станет безопасно, подать сигнал бедствия.

– У нас был такой же план, – призналась Лена.

Подняв взгляд на свод, военный поморщился.

– Я уже собирался действовать, когда... – Он покачал головой. – Дальше я ничего не помню.

– Грабители взорвали вход в пещеру, – объяснила девушка. – Должно быть, вас оглушило.

Жерар неуверенно поднялся на ноги, одной рукой придерживаясь за стену, а другой закидывая на плечо винтовку. Он посмотрел на плещущую под ногами воду.

– Пещеры затоплены, – предупредил его Роланд. – Нам

⁴ Не так ли (*фр.*).

нужно подняться на самое высокое место.

Не обращая внимания на его слова, военный шагнул в сторону и, отстегнув от ремня фонарик, направил луч света в проход, ведущий в соседнюю пещеру. В нескольких ярдах от горловины этот коридор был уже полностью затоплен.

К нему подошла Лена.

– По-моему, Роланд... отец Новак прав. Нам нужно забраться как можно выше, уйти от прибывающей воды.

Жерар покачал головой.

– Спасателям потребуется слишком много времени, чтобы добраться до нас.

– В таком случае что вы предлагаете? – спросил священник.

Военный подвел их к завалу и указал за него. Вглядевшись в темноту, Лена увидела, что французский офицер скрылся в горловине другого прохода, начинающегося в четырех футах выше затопленного пола.

Но куда ведет этот проход?

Обернувшись, Крэндолл увидела, что Жерар достал из кармана нарисованную от руки карту. Развернув рисунок, он прижал ее к стене. Это был подробный план системы пещер.

– Мы находимся вот здесь, – сказал француз, ткнув пальцем в точку на карте. – Если верить анализу геологического строения здешних мест, проведенному профессором Райтсоном, эта система пещер соединяется с проходами и пещерами, уходящими в глубь гор. Возможно, вплоть до провала

Дулы.

Жерар вопросительно посмотрел на Роланда, однако на лице у священника было написано недоумение.

– О чем вы говорите? – спросила Лена.

– Вы ведь приехали сюда через Огулин, так? – спросил Новак, словно вдруг догадавшись о чем-то.

Девушка кивнула, вспоминая живописный средневековый городок с каменным замком и старинными зданиями.

– Этот город находится над самой протяженной системой пещер Хорватии: свыше двадцати километров проходов, пещер и подземных озер. И в центре города находится один из входов в эту систему.

– Прямо посреди города? – не поверила ему Лена.

– Река Добра стекает с окрестных гор и прорезает глубокое ущелье, проходящее через Огулин, – объяснил Роланд. – В центре города река срывается в провал и исчезает под землей. Это место называется провалом Дулы. С ним связано предание, повествующее о девушке по имени Дула, которая бросилась вниз, чтобы не выходить замуж за старого жестокого дворянина.

– И вы считаете, что эта система пещер должна привести к провалу и выходу на поверхность? – спросила Крэндолл, повернувшись к офицеру-французу.

– Райтсон был в этом уверен, – ответил Жерар. – Однако полностью пещеры никогда не обследовались.

– И далеко отсюда до этого города? – уточнила девушка.

– По прямой около семи километров, – ответил отец Новак.

«То есть больше четырех миль», – подсчитала про себя Лена и почувствовала, как ее захлестывает отчаяние.

– У меня в рюкзаке есть веревки, альпинистское снаряжение и запасные аккумуляторы, – сказал военный.

Стараясь сдержать накатывающую панику, Крэндолл перевела взгляд на поднимающуюся воду:

– А что, если остальные пещеры также затоплены?

– *Je ne sais pas*, – пожал плечами Жерар. – Я не знаю. Но *здесь* вода определенно прибывает.

– А вы что намерены делать? – спросил Роланд, поворачиваясь к Лене. – Если вы собираетесь остаться, я останусь вместе с вами.

Женщина направила луч света в горловину прохода, гадая, что ждет их в темноте. Но француз был прав. Лучше отправиться навстречу неизвестному, чем оставаться здесь, где гибель неминуема.

Расправив плечи, Крэндолл повернулась к мужчинам:

– В таком случае, в путь!

16 часов 04 минуты

Вертолет летел через грозу, и болтанка была настолько сильной, что Грей не отпускал ручку на переборке. Дождь

хлестал в стекло кабины, и щетки стеклоочистителя с трудом сохраняли пилоту обзор. Хотя до захода солнца оставалось еще часа два, тяжелое покрывало черных туч, лежащее на вершинах гор, превратило день в ночь.

Лопасті несущего винта яростно вгрызались в непогоду, и пилоту приходилось прилагать все силы, чтобы справиться с рычагами управления. Ветер, казалось, налетал сразу со всех направлений и швырял утлый летательный аппарат, забирающийся все выше в Альпы, из стороны в сторону. Наконец вертолет преодолел перевал, и внизу, в долине, показалась россыпь огоньков.

– Огулин! – крикнул по переговорному устройству летчик, вытирая со лба струйки пота. – В такую грозу лететь дальше я не смогу. По сообщениям, в горах погода еще хуже.

Грей обернулся к Сейхан, вальяжно развалившейся в кресле в задней кабине. Казалось, ее нисколько не тревожил турбулентный подъем в горы. Молодая женщина пожалала плечами, невозмутимо принимая изменение планов.

Полчаса назад они с Пирсом сели на вертолет в Загреб, столице Хорватии: пилот уже ждал их там. Полет до той точки, где находилось подразделение французских горных стрелков, должен был занять не больше пятнадцати минут, однако гроза удвоила полетное время, а теперь и вовсе угрожала швырнуть вертолет на землю.

Пирс повернулся к летчику, намереваясь заставить его лететь дальше, чтобы не терять драгоценное время. Чем долъ-

ше будет промедление, тем меньше останется шансов обнаружить следы исчезнувшей экспедиции. Но, посмотрев на черное небо, исчерченное над горами ломаными линиями молний, Грей бессильно откинулся назад.

– Садимся! – смирился он с неизбежным.

Кивнув, пилот облегченно вздохнул и начал спускаться к разбросанным по дну ущелья огонькам.

– Я могу посадить машину на поле на окраине города, – сказал он, указывая вниз. – И вызову по радиии машину, чтобы она встретила нас. Как только гроза чуть поутихнет, можно будет попробовать еще раз. Но это произойдет в лучшем случае завтра утром. Я договорюсь о гостинице.

Грей не слушал его: он просчитывал время, ища какие-либо альтернативы долгому ожиданию.

– Как быстро туда можно добраться пешком? – спросил он летчика.

Тот смерил его скептическим взглядом.

– Вы сможете доехать на машине до деревни Бьельско. Это всего в шести километрах отсюда. А дальше – пешком по горам сорок минут. Но это в хорошую погоду. А в грозу, через густой лес, по размытым тропам вам потребуется несколько часов, и вы запросто можете заблудиться. Так что лучше дожидаться окончания грозы.

Достав из кармана телефон, Грей приложил к экрану большой палец, открывая хранящиеся в памяти зашифрованные файлы, и просмотрел информацию, связанную с те-

кущим заданием. Он подробно изучил все еще по пути в Загреб и теперь знал, что им нужно найти. На экране появилась фотография мужчины лет пятидесяти с лишним с тронутыми сединой волосами, стоящего в альпинистском снаряжении на краю ущелья.

Обернувшись, Пирс показал фотографию Сейхан.

– Фредерик Хорват, глава местного общества альпинистов. Это его группа первой проникла в пещеры в горах. Они молчали о своей находке до тех пор, пока не была подготовлена исследовательская экспедиция.

Женщина подалась вперед.

– И он живет в этом городке?

– Да. Не сомневаюсь, что окрестные горы Хорват знает лучше кого бы то ни было. И если он сможет провести нас к месту...

Сейхан выпрямилась.

– Тогда нам не придется ждать до утра.

– У меня есть его адрес.

Летчик быстро посадил вертолет на большое поле. Тотчас же вспыхнули sdвоенные лучи фар, вспарывая сумерки, и от дороги к месту посадки устремился седан «БМВ». Выйдя из вертолета, Грей и Сейхан закутались в куртки, спасаясь от ветра и пронизывающего дождя. Как только подъехала машина, они быстро забрались на заднее сиденье.

Автомобиль тронулся, и Пирс назвал водителю – молодому парню по имени Даг – адрес главы общества альпинистов.

– А, Фредерик... я его знаю, – широко улыбаясь, на ломаном английском сказал Даг. – У нас маленький город. Фредерик сумасшедший. Лазают по пещерам. А я – мне нужен простор. Чем больше, тем лучше.

– Я попробовал до него дозвониться, – сказал Грей. – Он не отвечает.

– Наверное, он в баре. В гостинице «Франкопан». Он живет рядом, – объяснил шофер. – В грозу многие сидят в баре. Хорошо пить бренди, когда на улице завывают *vještice* – ведьмы.

Прогремел раскат грома, в машине задребезжали стекла, и Даг, непроизвольно пригнувшись, перекрестился:

– Пожалуй, сейчас лучше не упоминать *vještice*.

Пока БМВ ехал к центру городка, Грей непрерывно пытался дозвониться до главы общества альпинистов, но у него ничего не получалось. В конце концов он смирился с тем, что Хорват недоступен.

– Сначала мы попробуем найти Фредерика в баре, – сказал Грей Дагу, а затем обернулся к Сейхан: – Если мы его там не найдем, возможно, нам подскажут, где его искать.

– Если, конечно, найдется человек, который не боится этих ведьм, – добавила она, откидываясь назад и закрывая глаза.

Машина ехала по Огулину, и Пирс с любопытством оглядывался по сторонам. Маленький городок словно сошел со страниц сказки: узенькие улочки, скверы, дома, крытые

красной черепицей... Повсюду вокруг были видны памятники архитектуры XVI века – от величественного собора с высоким шпилем до развалин древней крепости на вершине соседнего холма. Наконец автомобиль остановился перед толстыми каменными стенами замка с массивными круглыми башнями по углам. Грозное укрепление возвышалось над глубоким ущельем, похожим на то, которое можно было увидеть на фотографии Фредерика.

– Замок Франкопан, – объяснил Даг, останавливаясь у тротуара и указывая своим пассажирам на современное здание, примыкающее к готической постройке. – А это гостиница «Франкопан». Бар внутри. Я провожу вас и спрошу насчет Фредерика.

В обычной обстановке Грей предпочитал не привлекать к себе внимания, однако они и так уже потеряли много времени, добираясь сюда, а впереди их еще ждал долгий переход по залитым дождем горам.

– *Hvala*, – поблагодарил он водителя на его родном языке, и тот снова широко улыбнулся.

– Тогда пошли. Возможно, мы тоже выпьем бренди. Чтобы отогнать подальше *vještice*.

Грей ничего не имел против. Если парень достаточно быстро приведет его к Фредерику, он купит ему целую бутылку.

Пробежав от машины к подъезду, они вошли в гостиницу. Оштукатуренные стены фойе были выкрашены в белый

цвет, однако атмосферу согревала старинная деревянная мебель. Девушка за столиком администратора удивленно посмотрела на вошедших, но Даг помахал ей рукой:

– *Zdravo*, Бригита!

Та кивнула в ответ, однако ее удивление сменилось тревогой.

– Похоже, в этом городе все знают всех, – заметил Грей.

– И сразу же замечают чужих, – зловещим тоном добавила Сейхан.

Пирс оглянулся на нее. Легкая походка его подруги чуть изменилась, однако это можно было легко оставить без внимания. Однако от Грея не укрылось, как она слегка прищурилась и как каждый ее шаг наполнился осторожностью.

– В чем дело? – шепотом спросил Пирс, когда они направились на гул заполненного посетителями бара.

– Ты видел, как она нас встретила? – отозвалась Сейхан. – Едва ли это можно назвать радушным гостеприимством. Смею предположить, что мы здесь не первые чужаки за последнее время. И те, кто побывал тут до нас, произвели на Бригиту не самое благоприятное впечатление.

Грей оглянулся на девушку за столиком, которая, скрестив руки на груди, смотрела им вслед с нескрываемой неприязнью.

– Пожалуй, ты права, – согласился он. – Что заставляет задуматься. Те, кто напал на французских военных, скорее всего, побывали в этом городке. Быть может, они даже оста-

навливались в этой гостинице. Так что имеет смысл проверить это и деликатно навести справки.

— И не исключено, что эти люди до сих пор здесь, в городе, как и мы, запертые грозой. — Сейхан вопросительно подняла брови. — Можем ли мы рассчитывать на подобное везение?

Впереди раздались частые выстрелы, сопровождаемые громкими криками.

«Похоже, что можем», — успел подумать Пирс.

16 часов 24 минуты

Роланд сполз на пятой точке по мокрому скользкому камню в следующую пещеру. Затормозив пятками, он остановился, и командор Жерар помог ему подняться на ноги. Затем священник подошел к Лене, которая стояла, опираясь на стену и пригнув голову, чтобы не задеть за низкий свод.

— Далеко еще, как вы думаете? — спросила она, запыхавшись после двух часов блужданий и ползаний по подземному лабиринту.

Француз снова развернул на стене карту. Беглецы уже вышли за пределы зоны, наспех обследованной английским геологом. Теперь они в буквальном смысле находились на неизведанной территории. Достав компас, командор сделал знак на карте, отмечая продвижение вперед, чтобы не заблудиться.

– Полагаю, осталось еще совсем немного, – сказал Новак, хотя на самом деле он понятия не имел, сколько им еще идти.

– Послушайте! – вдруг выпрямилась Крэндолл.

Роланд подчинился, стараясь сдержать учащенное дыхание, и даже Жерар опустил карту и склонил голову набок. И тут они тоже услышали отдаленный гул, похожий на подземные раскаты грома.

– Река, – сказал военный.

До сих пор им удавалось избегать затопленных мест. Лишь несколько раз им встретились по пути большие лужи, которые пришлось обойти или пересечь вброд. Но эти лужи, похоже, существовали в этом подземном мире постоянно, а не были рождены нынешней грозой.

Роланд мысленно помолился о том, чтобы река оказалась проходимой.

– Идем! – сурово приказал Жерар своим спутникам.

Беглецы двинулись через пещеру с низким сводом, освещающая дорогу фонариками. По мере того как они шли, свод поднимался все выше и выше. Его поверхность украшали затейливые спиральные рога кальциевых отложений, перемежающиеся с толстыми сталактитами. Рев реки нарастал, наполняя отголосками просторную пещеру. В нем тонули приглушенные голоса, и оставался только стук крови в висках.

– Роланд, смотрите! – схватив священника за руку, указала на стену Лена. – Вот еще один петроглиф!

Отец Новак облизнул пересохшие губы. Ему уже не было

никакого дела до древних рисунков. На протяжении последних нескольких часов им время от времени попадались образцы доисторического искусства, единичные изображения различных животных: зубр, медведь, антилопа и даже одинокий пятнистый леопард. Судя по всему, художники, расписавшие главную пещеру, также углублялись в подземный лабиринт, оставляя на своем пути эти отметки.

– Это не животное, – сказала девушка и шагнула к стене справа, увлекая Роланда за собой.

Она посветила фонариком на большую фигуру, изображенную на камне. Нарисованный оттенками белого цвета, рисунок уходил вверх на высоту двухэтажного дома. Судя по внушительной груди, это было изображение женщины. Красные кружки ее глаз пристально смотрели на беглецов. А на лбу у нее были синие точки, которые образовывали шестиконечную звезду, похожую на ту, что была на месте захоронений.

– Как вы полагаете, это может быть портрет той женщины-неандертальца, чьи кости покоились в большой пещере? – спросила Лена.

«Эти кости много столетий назад были похищены отцом Кирхером», – подумал про себя отец Новак.

– Первое изображение *человека*, которое мы здесь обнаружили, – добавила Крэндолл, оглядываясь на священника. – Все остальные рисунки изображали животных.

«За исключением образов, созданных тенями от резных

сталагмитов, – мысленно добавил Роланд, – изображающих заклятых врагов этих древних людей».

– И посмотрите вот сюда! – продолжала Лена.

Опустив луч фонарика, она направила пятно света на белые лодыжки рисунка, между которыми темнела горловина узкого прохода. Нагнувшись, Новак посветил внутрь и увидел, что на самом деле проход является аркой, ведущей в боковую пещеру.

– Не отвлекайтесь! – предупредил их Жерар. – У нас нет времени!

Грозный рев бегущей воды подчеркнул его предостережение.

«И все же...» – Лена приняла решение за обоих. Опустившись на четвереньки, она поползла по проходу. Сгорая от любопытства, Роланд последовал за нею, не обращая внимания на недовольные жалобы французского офицера.

Соседняя пещера оказалась небольшой, всего метров пять в поперечнике. Здесь на полу не было костей – лишь плоская каменная поверхность с черным пятном посередине, обозначающим место древнего костра. Поднявшись на ноги, Крэндолл медленно развернулась, проводя лучом света по стенам, и тихо ахнула от изумления.

Вместо рисунков стены пещеры были покрыты рядами ниш. В каждом углублении находилось по резной фигурке, все до одной – изображения зверей. Это был настоящий каменный зоопарк. В одной нише поднимал изогнутый хобот

маленький мамонт, в другой стоял лев, присевший на задние лапы. Увеличив свет своего фонарика, Роланд увидел фигурки волков, медведей и зубров, а также всевозможных оленей и антилоп. А на верхних рядах находились самые разные птицы, от охотящихся ястребов до водоплавающих уток или гусей.

Если и были какие-либо вопросы, касающиеся возраста этого зверинца, подтеки известковых отложений, покрывших все белесой коркой, полностью снимали сомнения в их доисторическом происхождении. Для того чтобы наслоения получились такими толстыми, нужны были тысячелетия.

– Несомненно, это тотемы племени, – сказала Лена. Потянувшись было к фигурке леопарда, она отдернула руку. – Если они были вырезаны неандертальцами, это в корне изменит наше представление о них.

Кивнув, Новак подошел к самой большой нише, расположенной прямо напротив входа в пещеру. Его внимание привлекли маленькие значки. С обеих сторон нишу обрамляли одиночные отпечатки ладони, опять-таки выполненные кроваво-красной краской.

К нему приблизилась Крэндолл.

– На руке слева тот же самый искривленный мизинец, который мы уже видели в разоренной могиле. – Она указала на правый отпечаток. – Ну а эта рука... готова поспорить, она совпадет с отпечатками над костями неандертальца-мужчины.

– Следы тех же двух людей, – наморщив лоб, сказал священник.

– Очевидно, они имели в племени очень большой вес. Быть может, были вождями. Или, если судить по этому собранию тотемов, почитаемыми шаманами, – предположила женщина.

Роланд переместил фонарик, освещая глубины ниши. В отличие от других углублений в стене, в этом не было каменной фигурки. Вместо нее там лежал тугой сверток.

Новак протянул к нему руку.

– Будьте осторожны! – предупредила Лена, однако останавливать его не стала.

Достав предмет, священник обнаружил, что это сложенный кусок плотной ткани. Его пальцы нащупали куски старого воска.

– Это уже не из доисторических времен, – заметил он с удивлением.

– Что это такое? – шагнула к нему девушка.

Облизнув губы, Роланд осторожно развернул старинную ткань, ломая застывший воск. Наконец он добрался до лежавшей внутри книги в кожаном переплете. Обложку ее украшал рисунок, состоящий из закрученных спиралью линий.

– Очень напоминает поперечный разрез больших полушарий головного мозга, – пробормотала потрясенная Лена.

Отец Новак усмехнулся. Его спутница была генетиком и поэтому, разумеется, увидела на рисунке именно мозг.

– А мне кажется, что это лабиринт, – поправил ее священник. – Человек рисовал и вырезал подобные запутанные лабиринты с тех самых пор, как начал заниматься искусством.

– Но что он означает?

– Не знаю. Однако взгляните на инициалы внизу.

Заглянув Новаку через плечо, Лена прочитала вслух:

– А. К... и S. J.

– Атанасий Кирхер... – почтительным тоном произнес Роланд. – Общество Иисуса.

Он понял, что держит в руках книгу, принадлежавшую священнику-иезуиту, изучение биографии которого стало главной целью его жизни. Не в силах удержаться, Новак осторожно перевернул обложку. Что-то вывалилось из книги и с металлическим звоном упало на каменный пол.

Наклонившись, Крэндолл подняла находку:

– Это ключ.

Она поднесла ключ к свету. Он был длиной с ладонь и с затейливой головкой, изображающей херувима под аркой из человеческих черепов.

Помимо воли Роланд мысленно представил череп и кости, похищенные грабителями из главной пещеры.

Что все это значит?

В поисках ответа он обратился к книге, однако страницы, заключенные между кожаными обложками, перенесли прошедшие столетия не так хорошо, как переплет. За долгие годы влага просочилась сквозь слои провощенной ткани, превратив бумагу в рыхлое месиво. На страницах остался отпечаток ключа, однако сырость и время давным-давно безвозвратно уничтожили написанный на них текст.

– Мы должны уходить! – не терпящим возражений тоном приказал Жерар.

Однако Лена задержалась еще немного, чтобы ощупать нишу пальцами.

– Я чувствую обломки кальцита, – сказала она. – Похоже, раньше здесь что-то находилось, но затем это было выломано.

Отец Новак обвел взглядом ряды тотемов, впаянных в наслоившиеся за тысячелетия известковые отложения:

– Должно быть, Кирхер освободил эту центральную нишу и оставил в ней книгу, возможно, как ключ к своей находке, к тому, куда он ее спрятал.

С этими словами священник опустил взгляд на находящуюся в плачевном состоянии древнюю книгу.

– Может быть, что-то удастся восстановить, – выразила

надежду Крэндолл. – Если отдать книгу в руки опытному реставратору...

Роланд сильно сомневался в том, что удастся спасти хоть что-нибудь, однако кивнул.

– Но прежде чем это произойдет, нам нужно выбраться из этого проклятого подземелья, – сказал он, указывая на выход.

Они присоединились к Жерару, и Новак сразу же понял, почему француз так торопил их. С той стороны, где осталась главная пещера, доносился все более усиливающийся рев бегущей воды.

Лена оглянулась на священника, и у нее на лице отразился сильный страх.

Похоже, они опоздали.

16 часов 48 минут

В баре гремели выстрелы.

Из двери в конце коридора вывалила толпа, устремившаяся навстречу Грею и Сейхан. Схватив Дага за руку, Пирс подтолкнул его назад, к фойе.

– Вызывай полицию!

Прижавшись к стене, он пропустил людской поток, готовый сбить его с ног, и достал из кобуры, находившейся под мышкой промокшей насквозь куртки, «ЗИГ-Зауэр». Распла-

ставшись на противоположной стене, Сейхан одной рукой выхватила длинный кинжал, сжимая в другой пистолет. Как только коридор очистился, они двинулись в сторону бара, пригибаясь и держась возле стен.

Не успели они добраться до двери, как позади раздались частые шаги. Вернулся запыхавшийся Даг. Увидев в руках у Грея оружие, он широко раскрыл глаза.

Пирс прижал парня к стене. Оскалившись, Сейхан припала на колено, держа дверь в бар под прицелом. Выстрелы прекратились, однако крики не утихали. Кто-то кричал по-сербохорватски, явно чего-то требуя. Похоже, нападавшие захватили заложников.

«Черт возьми, что здесь происходит?» – вертелось в голове у Грейсона.

Ответ на этот вопрос был у Дага.

– Я слышал от других, – выдохнул тот, все еще не придя в себя от ужаса, – шайка *razbojnici*... шайка бандитов ворвалась в бар. Они потребовали, чтобы Фредерик вышел к ним. Стали стрелять в потолок. Одного человека ранили в ногу.

Грей переглянулся с Сейхан. Значит, нападавшие тоже ищут главу клуба альпинистов. *Эта вылазка связана с нападением в горах.* Неужели кто-то проводит зачистку, замечает следы, устраняет всех, кому была известна тайна?

– Ну а Фредерик? – спросил Пирс.

Даг молча указал на дверь бара.

– Значит, он там, – уточнил Грейсон.

Парень кивнул.

– В туалете. Наверное, об этом знает только его друг.

– Окно там есть? Вылезти из него можно?

– Окно есть, да. Но оно слишком маленькое.

Значит, этот человек в ловушке.

Грей сомневался в том, что Фредерику удастся долго скрываться. Он посмотрел на Сейхан, уверенный в том, что та все слышала. Молодая женщина кивнула, уже поняв, что нужно ее напарнику. Для них с Пирсом это был уже далеко не первый совместный танец. Метнувшись к Дагу, Сейхан схватила его за шиворот.

– Ты пойдешь со мной, – холодно прошипела она.

Как только она утащила парня в противоположный конец коридора, Грей быстро подбежал к двери в бар и укрылся сбоку. Присев, он быстро заглянул в зал и тотчас же снова спрятался. Имея перед глазами четкую картину, Пирс смог оценить опасность: четверо вооруженных мужчин в вязаных масках, все с пистолетами, автоматического оружия нет. Двое стерегут трех посетителей, сидящих в кабинке. Еще один застыл над человеком, свернувшимся в клубок на полу. Четвертый наблюдает за дверью, но, к счастью, массивная стойка из красного дерева скрыла Грея, когда тот заглядывал в бар.

Также Грейсон отметил еще одну деталь: один из заложников в кабинке указывал в дальний конец зала – туда, где,

вероятно, находились туалетные комнаты.

Значит, нельзя терять ни секунды.

И действительно, в этот момент снова прогремели выстрелы, сопровождаемые звоном разбитого стекла. Звуки раздались в дальнем конце зала. Для Грея это явилось сигналом. Он перекатился через порог, оставаясь прикрытым стойкой. Внимание всех четверых нападавших было обращено к туалетам. Услышав выстрелы, они обернулись в ту сторону, держа оружие наготове.

Пирс выпустил одну за другой две пули, целясь им в голову. Двое нападавших упали, и Грей, прицелившись третьему в ноги, попал ему в колено, отправляя на пол к заложнику, получившему такое же ранение.

Вот ведь какая стерва судьба...

Четвертый боевик, стоявший в глубине зала, метнулся к единственному доступному укрытию. Он ворвался в женский туалет, ошибочно предположив, что стреляет Фредерик, укрывающийся в мужском. Вероятно, боевик рассчитывал, что в туалете есть окно, через которое он сможет бежать.

Но Грей вспомнил слова Дага:

«Окно есть, да. Но оно слишком маленькое».

Из туалета донесся выстрел, и следом опять звон стекла.

Выбежав обратно в зал, нападавший рухнул на пол. В голове у него зияла страшная рана.

Желая узнать, что происходит, Пирс быстро направился к единственному оставшемуся в живых боевику, лежащему

на полу, – тому, который был ранен в ногу, – но, прежде чем он успел до него добежать, этот человек приставил пистолет себе к виску и выстрелил. Громкий звук выстрела заглушил проклятие, сорвавшееся у Грея с уст.

Едва сдержав разочарование, командер поспешил к мужскому туалету. Ворвавшись в кабинку, он застал там забившегося в угол Фредерика Хорвата, бледного как полотно, с растрепанными седоватыми волосами. Увидев Пирса, альпинист сверкнул глазами, готовый встретить неминуемое.

– Фредерик! – раздался голос из разбитого окна.

Стоя на улице под дождем, Даг просунул в окно голову и быстро заговорил по-сербохорватски, успокаивая альпиниста.

Грей также попытался обнадежить его, вспомнив зачатки хорватского языка, которые он успел заучить по дороге в Загреб.

– *Zovem se* Грей, – представился он, убирая пистолет в кобуру и поднимая руки.

В этот момент к окну, отстранив Дага, протиснулась Сейхан:

– Здесь все чисто.

Пирс представил себе, как его напарница обежала вокруг здания и выстрелила в окно туалета, отвлекая на себя внимание нападавших. Кроме того, она, судя по всему, услышала, как последний боевик ворвался в соседний туалет, и со своей позиции на улице ликвидировала и эту угрозу.

Придя в себя, Фредерик продемонстрировал свободное владение английским языком:

– В ч-чем дело?

– Давайте обсудим это где-нибудь в тихом месте, – предложил Грей, указывая на дверь. – Нельзя полагаться на то, что у этой четверки где-нибудь поблизости нет дружков.

Хорват без лишних уговоров вышел из туалета, и Грейсон вывел его из гостиницы через служебный вход, избегая фойе. На улице они встретились с Дагом и Сейхан, и все четверо поспешили к машине.

Прежде чем Даг успел тронуться, у Пирса в кармане завибрировал спутниковый телефон. Ответив на вызов, он тотчас же узнал голос Кэт:

– Грей, мы поймали сигнал с сотового телефона доктора Крэндолл. Он очень слабый и то и дело пропадает. Для установления связи его недостаточно, но мы смогли его запеленговать... вот только у нас получается полная бессмыслица.

– Где источник сигнала? – спросил Грейсон.

– Сейчас я перешлю тебе координаты.

Отняв телефон от уха, Пирс изучил появившуюся на экране карту. На ней был изображен выгнувшийся подковой городок, облепивший своими домами и улицами глубокое ущелье, обрывающееся провалом, над которым возвышался замок.

Мигающая точка показывала местонахождение источника сигнала.

Нахмурившись, Грей поднял голову и перевел взгляд на черную пропасть в конце улицы. Похоже, сигнал исходил оттуда.

Ничего хорошего в этом быть не может.

Глава 6

*29 апреля, 11 часов 03 минуты
по восточному летнему времени*

Лоренсвилль, штат Джорджия

Ну почему ты не отвечаешь?

Опустив телефон, Мария нервно стиснула его между ладонями. Вот уже два часа она непрерывно пыталась связаться со своей сестрой, но безуспешно. И каждый оставшийся без ответа вызов еще больше увеличивал ее беспокойство.

Девушка уже связалась со своим куратором в УППОНИР и узнала, что на месте археологических раскопок в Хорватии произошла какая-то неприятность, однако никаких подробностей об этом пока что не было. Марии посоветовали не волноваться и не прекращать попытки дозвониться до Лены. А тем временем в Джорджию вылетела из Вашингтона следственная группа – чтобы переговорить с нею о ходе ее работ и предоставить ей дополнительную информацию о том, что произошло в Хорватии.

Доктор Крэндолл взглянула на телефон, чтобы узнать время.

«Следователи должны прибыть с минуты на минуту».

Она сделала глубокий вдох и выдох, стараясь успокоиться, однако у нее из головы не выходило поведение Баако сегодня утром. Девушка явственно видела, как горилла повторяет один и тот же знак: растопыривает пальцы и проводит рукой по груди, снова и снова.

«Страшно, страшно, страшно...»

– И мне тоже страшно, – прошептала Мария, обращаясь к пустой комнате.

У нее перед глазами появилось лицо Лены. Хоть сестра и появилась на свет всего на несколько минут раньше, она всегда брала на себя материнскую роль, прикрываясь этими минутами старшинства. Именно Лена разогревала в микроволновке ужин, когда мама была на работе. Именно она следила за тем, чтобы Мария сделала все уроки, перед тем как смотреть телевизор. Эта ответственность сделала Лену более серьезной, более осторожной, в то время как младшая из сестер всегда была более беспечной и храбро шла навстречу испытаниям.

«Но сейчас я совсем не храбрая, сейчас мне очень тревожно».

После еще одной тщетной попытки связаться с Леной Мария услышала в коридоре голоса. Раздался решительный стук в дверь, и, открыв дверь, девушка увидела Леонарда

Траска. За спиной директора Национального центра изучения приматов стояли двое незнакомых мужчин и женщина, которую она хорошо знала, – Эми Ву. Эми работала в Национальном научном фонде и была связана с программой «Мозг», финансируемой Белым домом. Она лично занималась выделением гранта под исследования сестер Крэндолл. И в итоге между ними возникла крепкая дружба – их сблизило то, что все трое были ровесницами, а кроме того, женщинами, занимающимися делом, в котором ведущую роль играют мужчины.

Отстранив Траска, Эми крепко обняла Марию. От нее исходил тонкий запах духов с ароматом жимолости. Черные волосы, подстриженные под мальчишку, щекотали доктору Крэндолл ухо. Оторвавшись от подруги, Ву посмотрела ей в глаза.

– Как ты, держишься? – спросила она с искренней озабоченностью.

Мария была признательна ей за это, однако в настоящий момент ее в первую очередь интересовали известия о сестре.

– У вас есть что-нибудь новое? – спросила она дрожащим голосом.

Эми оглянулась на сопровождающих ее мужчин, похожих на вышибал из дешевого бара. Оба были в костюмах, однако под одеждой у них чувствовались накачанные мышцы. По их обритым наголо головам и строгой выправке Мария заключила, что оба они – бывшие военные. Тот, что пониже ро-

стом, кивнул, подбадривая ее улыбкой.

– Эти двое – из УППОНИР, – представила приезжих Ву. – Монк Коккалис и его напарник Джозеф Ковальски.

– Джо, – поправил тот, что был повыше ростом.

Ему пришлось пригнуться, чтобы войти в дверь. С непроницаемым лицом он осмотрел кабинет.

Траск хотел было также пройти внутрь, но Эми подняла руку, останавливая его на пороге.

– Боюсь, в этом разговоре будут затронуты вопросы, имеющие отношение к национальной безопасности. Надеюсь, Леонард, вы все понимаете.

С этими словами Ву закрыла дверь у него перед носом, но директор все-таки успел бросить испепеляющий взгляд на Марию.

Та понимала, что расплата неминуемо придет, однако теперь ее волновала только новая информация о судьбе сестры. Ей не пришлось задавать вопросы. Как только дверь закрылась, Эми сказала:

– Понимаю, что ты беспокоишься за судьбу Лены. И мы будем с тобою честными и откровенными, хотя многое нам еще неизвестно. Мы по-прежнему стараемся установить, что же именно произошло в горах Хорватии.

– Что вам известно на настоящий момент? – спросила Крэндолл.

– Только то, что место раскопок подверглось нападению и мы потеряли связь с подразделением французских военных,

обеспечивавшим его охрану, – ответила Ву.

Мария опустила взгляд на зажатый в руке телефон. Каждое слово подруги было подобно удару в солнечное сплетение. Она тяжело опустилась в кресло.

– Ну а Лена?

– Давай не будем думать о худшем, – ответила Эми. – Как я уже сказала, нам не удалось установить с нею связь. В настоящий момент в горах бушует сильнейшая гроза, а кроме того, район подвергся серии слабых подземных толчков. УППОНИР направило туда специальную группу, и, будем надеяться, скоро у нас будут какие-то известия. Но один обнадеживающий знак уже есть.

После этого женщина повернулась к Монку Коккалису.

– Как вы сами понимаете, – кашлянув, объяснил тот, – мы постоянно пытались установить связь, и всего несколько минут назад, когда мы ехали сюда из аэропорта, нам сообщили, что нашим связистам удалось поймать сигнал с сотового телефона вашей сестры. Очень слабый, но источник был расположен на *значительном* удалении от места раскопок.

Эми взяла Марию за руку.

– А это позволяет предположить, что твоя сестра двигается, вероятно, стремится спуститься с гор.

Крэндолл почувствовала, что на глаза у нее наворачиваются слезы, вызванные как облегчением, так и остаточными последствиями страха.

– Но вы не можете сказать, одна ли Лена? Быть может, она

похищена или получила травму? – вздохнула она.

– Это правда, – признал Монк. – Но я хорошо знаю человека, которого направили в Хорватию. Он непременно найдет вашу сестру.

Услышав в его голосе твердую уверенность, Мария отчаянно захотела ему поверить.

– Если нападавшие были не просто грабителями, решившими обчистить место археологических раскопок, то самое лучшее для вашей сестры и всей экспедиции – выяснить, что именно явилось причиной такого нападения. Вот для чего мы здесь. Чтобы собрать как можно больше информации о характере ваших исследований, – добавил Коккалис.

– Я отвечу на все вопросы, на какие только смогу, – пообещала Крэндолл. – Но я не представляю себе, каким образом наши исследования могли спровоцировать вооруженное нападение.

– Возможно, никакой связи тут нет, – согласился Монк, – но мы должны рассмотреть все варианты.

Мария сглотнула комок в горле.

– Что вы хотите узнать?

– Мне вкратце рассказали об основных пунктах ваших исследований. – Коккалис кивнул в сторону Эми. – Но я предпочел бы слышать все лично от вас, если вы будете снисходительны к тому, что я не во всем разбираюсь.

Крэндолл тоже кивнула.

– Насколько я понимаю, целью ваших работ является во-

прос происхождения человеческого разума. Вы не могли бы рассказать подробнее о методологии исследований и гипотезах, которые вы проверяете? – попросил Монк.

Девушка шумно вздохнула, не зная, с чего начать, и сомневаясь в том, что этот военный ее поймет. И все же она готова была оказать ему любое содействие.

– Мы с сестрой занимаемся изучением того периода в истории человечества, который называется «большим скачком вперед», – выпрямившись в кресле, начала исследовательница. – Той точки познавательного развития, имевшей место около пятидесяти тысяч лет назад, когда произошел необъяснимый всплеск в искусстве и технологиях.

– «Большой взрыв» человеческого сознания, – кивнул Коккалис.

Мария пристально посмотрела на него, вдруг понимая, что под внешностью «качка» из тренажерного зала скрывается нечто большее. Глаза Монка светились неподдельным интересом и проницательным умом.

«Ну хорошо, в таком случае давай поднимемся на ступеньку выше».

– Современный человек впервые появился на сцене около двухсот тысяч лет назад, – объяснила Крэндолл. – И дальше наш рост по сравнению с предками-гоминидами протекал очень быстро. Согласно последним исследованиям, проведенным тремя генетиками из Чикагского университета, внезапное появление *Homo sapiens* было обусловлено стреми-

тельной мутацией *всего* семнадцати генов, отвечающих за строение головного мозга. Это действительно очень малая доля. Но эти незначительные изменения привели к лавинообразным последствиям – если хотите, к эффекту снежного кома, – следствием чего стали сотни изменений в тысячах генов, произошедших за относительно небольшой промежуток времени.

– И этот снежный ком послужил толчком к развитию головного мозга в его современный вид, – задумчиво наморщил лоб Монк, – что обособило нас от шимпанзе и ранних гоминидов?

– А также дало нам большинство качеств, свойственных исключительно людям. Способность познавать окружающий мир, самоосмысление, сознание. – Мария обвела взглядом лица своих внимательных слушателей, радуясь возможности говорить и вообще заниматься всем чем угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о Лене. – Что возвращает нас к «большому скачку вперед». До этого скачка человечество на протяжении ста пятидесяти тысяч лет по сути дела топталось на месте. Да, конечно, мы мастерили примитивные каменные орудия, однако за весь этот период не создавали произведения искусства, не вешали на себя украшения и не хоронили умерших.

– А потом? – спросил Монк.

– Потом случился внезапный прорыв. Мы перешли от каменных орудий к костяным, разработали новые технологии

дубления кож, начали нагревать красители, чтобы получить новые цвета, стали использовать ракушки в качестве украшения. Внезапно мы стали носить ожерелья и браслеты и хоронить умерших, помещая в могилы еду, орудия и прочие подношения. И, что самое существенное, мы начали изготавливать великолепные произведения искусства, украшая стены пещер образами окружающего мира. Именно в этот момент, по сути дела, и родился современный человек.

– И что послужило причиной всего этого? – раздался у Коккалиса за спиной хриплый голос. Это впервые заговорил его угрюмый напарник.

– Это остается загадкой, – ответила Мария, – которую и пытаемся разгадать мы с сестрой. Точно известно, что тогда наш мозг не увеличился в размерах. По ископаемым останкам известно, что черепная коробка осталась такой же, какой была до «большого скачка». И поскольку значительных анатомических изменений, которые могли бы объяснить это резкое развитие, нет, ученые выдвинули предостаточно теорий, касающихся *причин* подобного роста интеллекта. Одни говорят, что это явилось следствием изменения питания – появления в нашем рационе продуктов, богатых ненасыщенными жирными кислотами, что помогло нам лучше думать. Другие приписывают «большой скачок» изменениям климата, когда ухудшение условий окружающей среды вынудило нас шевелиться быстрее. А еще одна группа исследователей считает, что это явилось следствием переселения древнего

человека из Африки, в результате чего на головной мозг начали воздействовать новые раздражители, и для выживания в новых условиях потребовался разум.

– Ну а в чем заключается ваша теория? – спросил Монк.

– Я генетик. – Мария указала на висящий на стене диплом. – Раз значительных изменений размеров головного мозга не произошло, значит, вероятно, причину «большого скачка» нужно искать на генетическом уровне. Вспомните, всего горстка генетических мутаций обусловила появление современного человека, так что, возможно, нечто подобное произошло пятьдесят тысяч лет назад. Это изменило наш геном, став толчком к «большому скачку вперед».

– И что же именно это было? – спросил Ковальски.

– Например, появление новых генов, от других видов, – задумчиво промолвил Коккалис.

Крэндолл кивнула.

– Приблизительно в это время *Homo sapiens* встретился с племенами неандертальцев, и началось скрещивание. Вам знакомо понятие «гетерозис»?

Джо пожал плечами, но Монк лишь скрестил руки на груди, и Мария предположила, что он прекрасно ее понял. Больше того, по всей видимости, этот человек был на несколько шагов впереди нее, но предоставлял ей вести его за собой.

– Гетерозис также называется «гибридной силой», – продолжила девушка. – Это биологическое явление, заключающееся в том, что спаривание двух разных видов дает потом-

ство – гибрид, который обладает более сильными качествами, чем каждый из родителей по отдельности.

– И ваша гипотеза, – подхватил Коккалис, – состоит в том, что результатом скрещивания неандертальца и древнего человека стал гибрид, превосходящий их умом, следствием чего и явился резкий скачок интеллекта.

– Именно этим и занимались мы с Леной. От двух до трех процентов генома современного человека составляют гены неандертальца – за исключением большинства африканских народностей, никогда не смешивавшихся с неандертальцами. Кроме того, мы не носим *один и тот же* набор ДНК неандертальцев. И если сложить эти разрозненные части вместе, общая доля составит около двадцати процентов наших генов. Определенно, этого достаточно, чтобы существенно изменить путь развития человечества. Генетики уже установили, что некоторые цепочки ДНК неандертальцев, по всей вероятности, помогли нашим мигрирующим предкам приспособиться к холодному северному климату Европы – в частности, увеличили волосяной покров тела и ослабили пигментацию кожи.

– Но, насколько я понимаю, нет никаких указаний на то, что это каким-либо образом повысило интеллект? – спросил Монк.

– Вы правы. И мы с сестрой склонны верить, что о прямой связи не может быть речи.

– Почему же? – нахмурился Коккалис.

– Потому что древние африканские народности также приняли участие в «большом скачке вперед», однако у них *нет* ДНК неандертальцев. Что дает нам *вторую* загадку, связанную с поворотной точкой в истории человечества. Это изменение не стало *изолированным* явлением, а произошло практически одновременно у всех племен и народностей, разбросанных по земному шару. Оно распространилось по Европе, Азии и Африке.

– И как вы это объясняете?

– Наша гипотеза заключается в том, что «большой скачок вперед» явился следствием *сочетания* генетических изменений и социальной инженерии. Мы считаем, что *первым* толчком к этой глобальной перемене действительно стало скрещивание видов, что привело к внезапному появлению сильных гибридов, о которых я уже говорила – особей, которые мыслили и действовали по-другому. А уже это, в свою очередь, обусловило стремительные перемены в культуре – в искусстве, ритуалах, изготовлении оружия – навыках, которые распространились по всему земному шару за счет переселения народов. Генетические данные позволяют судить, что миграционные потоки древних людей не были односторонними. Люди не только *покидали* Африку – некоторые народы, в том числе и носители генетических маркеров неандертальцев, в Африку *возвращались*.

– Давайте-ка посмотрим, правильно ли я все понимаю, – сказал Монк. – Ваша гипотеза предполагает, что скрещива-

ние вызвало первоначальный скачок вперед у отдельных особей. После чего их новый образ мышления и знания распространились вглубь и вширь.

– Совершенно верно. И это не наша теория, мы лишь развили предположения, выдвинутые в две тысячи тринадцатом году Ником Бостромом, сотрудником философского факультета Оксфордского университета. В своей работе он утверждал, что достаточно лишь горстки сверхсовершенных личностей, обладающих высшим разумом, чтобы они своим созидательным творчеством изменили весь мир, – и новые знания получают глобальное распространение. Бостром писал о будущем, однако его теория применима и к прошлому: она объясняет «большой скачок вперед», который пятьдесят тысяч лет назад сделало человечество.

– Сверхсовершенные личности? – переспросил Коккалис. – Вроде ваших гипотетических гибридов?

– Возможно. Именно это и изучали мы с сестрой: каково быть первым поколением после союза *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*. Наполовину неандертальцем и наполовину современным человеком. Самым настоящим гибридом. Мы знаем, что процент генов неандертальцев в нашем геноме быстро уменьшился, и в конце концов их осталось от двух до трех процентов – слишком мало, чтобы сегодня оказывать какой-либо стимулирующий эффект на наши мыслительные способности. – Мария вновь обвела взглядом своих слушателей. – Но что, если бы нам удалось перевести эти биологи-

ческие часы назад и воссоздать этот гибрид в наши дни?

– И над этим работаете вы с сестрой? – В голосе Монка прозвучал ужас, смешанный с изумлением.

– Не просто работаем, мы уже добились результата. – Исследовательница встала. – Не хотите встретиться с нашим гибридом?

11 часов 35 минут

«Да вы издеваетесь надо мною, черт побери!..»

Ковальски разглядывал отделенное толстым стеклом помещение, похожее на детскую комнату, но только предназначенную для очень необычного ребенка. С потолка свисали канаты. В углу болтались качели. Повсюду были раскиданы большие пластмассовые кубики.

Среди этого беспорядка стояла маленькая волосатая фигура. Она опиралась на одну руку, сжатую в кулак, обнюхивая своим приплюснутым носом находящихся за стеклом чужаков.

– Его зовут Баако, – представила своего подопечного Мария.

– Да это же горилла! – пробормотал Джо, будучи не в силах скрыть своего отвращения. В прошлом у него уже был неприятный опыт общения с обезьянами.

«Неудивительно, что Пейнтер предпочел умолчать об

этом!»

– Баако – западная равнинная горилла, – уточнила Крэндолл. – Трехлетний самец, еще не достигший половой зрелости.

Монк ошеломленно смотрел в стекло.

– Это и есть ваш гибрид?

Ему ответила Эми Ву, специалист из Национального научного фонда:

– Естественно, мы не могли разрешить использовать в этих экспериментах человеческий зародыш. Это вызвало бы шквал возмущенных протестов. Хотя манипуляции с ДНК человека в Соединенных Штатах формально не являются противозаконными, смотрят на них косо. Особенно если речь идет о создании человекообразных гибридов.

– Нельзя забывать также о моральных и этических вопросах, – добавила Мария. – Вот почему мы остановили свой выбор на горилле. Геном *Homo neanderthalensis* был полностью восстановлен шесть лет назад. Используя эту информацию, а также новейшие технологии редактирования генов, мы смогли с чистого листа воссоздать геном неандертальца. Затем этим искусственно созданным образцом мы оплодотворили яйцеклетку гориллы, получив жизнеспособного зародыша-гибрида, которого выносила суррогатная мать-горилла.

На лице Ковальски застыло отвращение. Ошибочно приняв его за недоверие, девушка попыталась объяснить, каким

образом удалось создать такое чудовище:

– Вот уже несколько лет ученые создают гибриды людей и животных. Еще в две тысячи третьем году группа китайских ученых успешно соединила человеческую клетку с яйцеклеткой кролика, получив живой зародыш, который начал расти. А в следующем году специалисты клиники «Майо» у нас, в Штатах, объявили о том, что создали свинью с текущей у нее в венах человеческой кровью. Потом у них были мыши с печенью и даже головным мозгом, состоящими из человеческих клеток, а также множество подобных гибридов с участием других видов: кошек, овец, коров и так далее.

– Подозреваю, – поддержала ее Эми Ву, указывая на мохнатое существо за стеклом, – что этот приятель – лишь первый шаг к более амбициозным проектам, которые будут осуществлены в ближайшем будущем.

– Итак, – сказал Коккалис, – полагаю, что, учитывая характер ваших исследований, вы начали с гориллы, поскольку этот вид очень близок к людям.

– Совершенно верно, – подтвердила Эми.

– Но почему вы не выбрали шимпанзе? – спросил Монк, взглядываясь в окно. – Кажется, считается, что генетически они еще ближе к нам, разве не так?

– И да, и нет, – ответила Мария. – У шимпанзе с человеком больше девяноста восьми процентов общих генов, а у гориллы – девяносто шесть, но для наших исследований важнее не количество, а качество. В том, что касается последо-

вательностей ДНК, задействованных в чувственном восприятии, слухе и, что самое главное, развитии головного мозга, геном гориллы существенно ближе к нашему, чем геном шимпанзе.

– Это вытекает также из предыдущих опытов по обучению шимпанзе и горилл языку жестов, – добавила Ву. – Наверное, самыми известными шимпанзе, владевшими языком глухонемых, являются Вошоу и Ним, однако размер их лексикона не превышал двухсот знаков, в то время как горилла Коко выучила почти тысячу знаков.

Вспомнив, почему Пейнтер направил сюда именно его, Ковальски посмотрел на свои руки.

– Так почему язык жестов имеет такое большое значение? – спросил он.

Исследовательница улыбнулась, отчего лицо у него залилось краской. У нее были те же самые ярко-голубые глаза и веснушки на щеках, как и у ее сестры-близнеца на фотографии, вот только светлые волосы Марии были подстрижены в асимметричное каре, справа длиннее, чем слева. А еще справа на ее шее каждый раз, когда она поворачивала голову, над воротничком белого халата показывалась татуировка размером с палец в виде двойной спирали ДНК.

– Языковые способности являются прекрасным барометром для оценки разума и изобретательности, – объяснила Мария. – А после десятилетий изучения языка приматов у нас уже была готовая шкала, по которой мы могли измерять

интеллектуальное развитие Баако. – Она прижала ладонь к стеклу. – Но гораздо важнее то, что речь идет об уникальном живом существе, не имеющем подобных на Земле. Поэтому, естественно, нам понадобился метод общения, чтобы лучше понимать такое создание. – Девушка снова повернулась к своим слушателям. – Идемте, вы познакомитесь с ним и сами все поймете.

Подойдя к двери, она поднесла к электронному замку магнитную карточку.

Сознавая, что выбора у него нет, Ковальски неохотно последовал за остальными.

«Похоже, вот мое место в «Сигме» – разговаривать с обезьянами».

Шагнув в дверь, Джо обнаружил, что оказался в высокой клетке. Мария отперла решетчатую дверь, но только после того как наружная дверь была закрыта и заперта – несомненно, это была дополнительная мера предосторожности. Маленькая группа прошла в импровизированный класс. Ковальски держался позади. В этом замкнутом помещении, на его взгляд, было слишком жарко и влажно, и хотя пахло здесь не как в хлеву, чего он опасался, мускусный запах определенно чувствовался.

Выйдя вперед, Крэндолл протянула руку:

– Баако, подойди и поздоровайся!

Молодая горилла выпрямилась, поднимаясь на ноги, но не двинулась с места, по-прежнему опасаясь посторонних.

Джо смерил ее взглядом. Стоя во весь рост, обезьяна не доходила ему даже до груди, однако в ней чувствовалась незаурядная физическая сила. Охваченный любопытством, Ковальски осмотрел волосатое тело в поисках свидетельства смешанного происхождения этого гибрида, однако он не настолько хорошо разбирался в гориллах, чтобы заметить какие-либо отличия.

– Все хорошо, – мягко произнесла Мария, подбадривая своего ученика.

Поколебавшись мгновение, Баако тихо гукнул, опустился на одну лапу и, подойдя к своей воспитательнице, взял ее за руку.

– Хороший мальчик! – похвалила его Крэндолл и повернулась к своим спутникам. – Пусть лучше он сам подойдет к вам.

Эми Ву присела на корточки.

– Эй, Баако, ты меня помнишь? Мы с тобой играли в щекотку.

Горилла спряталась за ноги Марии.

– Прошло уже больше полугода с тех пор, как ты была здесь в последний раз, – объяснила та, положив ладонь горилле на голову. – Сомневаюсь, что он тебя помнит.

Обезьяна тихо заворчала, словно возражая на это. Отпустив свою воспитательницу, она подняла обе руки к ребрам и зашевелила пальцами. Не надо было владеть языком жестов, чтобы понять ее.

«Щекотка».

– Верно! – рассмеялась Эми.

Баако шагнул вперед, смущенно понутив голову и плечи. Подойдя к Ву, он неловко обнял ее одной рукой. Женщина пощекотала его под мышкой, вызвав краткое фырканье, которое можно было принять за хриплый смешок. Но даже Ковальски чувствовал, что обезьяна выполняет заученные действия, стремясь порадовать свою учительницу. Это было тем более очевидно, что все это время Баако не отрывал взгляда от двоих мужчин.

Следующим поговорить с ним попытался Монк.

– Как насчет того, чтобы познакомиться? – спросил он, тоже опускаясь на корточки и протягивая горилле обе руки.

Баако заворчал, заметно нервничая.

– Он хороший человек, – постаралась успокоить его Мария, подкрепив свои слова тем, что провела ладонью правой руки по левой.

«Хороший».

– Поздоровайся! – предложила она горилле.

Ее подопечный шагнул вперед, с опаской пригнувшись и не скрывая своего нежелания это делать. Однако в глазах у него горел блеск любопытства. Оказавшись достаточно близко, он остановился и махнул правой рукой, подняв ее ко лбу.

«Привет!»

Затем Баако поднес сжатый кулак к груди и опустил его вниз, после чего быстро изобразил пальцами последователь-

ность букв своего имени.

«Я Баако».

Его черные глаза не отрывались от Монка. Тот был потрясен.

– Этот парень говорит тебе, как его зовут, – толкнул своего напарника в бок Ковальски.

– Вы совершенно правы, – удивленно покосилась на него Мария.

Указав на Коккалиса, Джо показал по буквам его имя:

«Его зовут Монк».

Баако склонил голову, поняв его, а затем подошел ближе. Взяв руку представленного ему мужчины в свою, он пожал ее, после чего нагнулся к другой его руке и обнюхал ее, склонив голову набок и тихо гукая.

– Это протез, – объяснил Монк, обращаясь к горилле и к подошедшей Марии.

– Вот как! – удивилась та. – Ни за что бы не подумала!

Джо ничуть этому не удивился. Протез его товарища представлял собой шедевр инженерной мысли, и дело было не только в его абсолютном сходстве с живой рукой. Разработанный специалистами УППОНИР, он обладал поразительной гибкостью, а его последняя модель откликалась на сигналы нейродатчика, вживленного в головной мозг Монка, позволяя ему управлять искусственной кистью не только через титановые контакты, соединяющие нервные окончания руки с протезом, но и просто мыслью.

Коккалис продемонстрировал еще одну уникальную способность своей новой руки. Отстегнув протез, он освободил его от стального хомута, закрепленного на обрубке руки, и протянул Баако.

Схватив протез, горилла покрутила его в руках, изучая со всех сторон, а Монк смог пошевелить искусственными пальцами – это было достигнуто с помощью беспроводного управления. Когда горилла увидела эту демонстрацию, брови у нее поползли вверх. Даже Мария тихо ахнула. Поднеся протез ко рту, Баако осторожно укусил его за палец.

Ковальски поморщился, сомневаясь в том, что инженеры УППОНИР одобрили бы подобное обращение со своим творением. Владелец протеза, судя по всему, подумал то же самое и шагнул вперед.

Однако Крэндол остановила его, с любопытством наблюдая за своим подопечным.

– Не волнуйтесь, – сказала она. – Баако лишь хочет вас пощекотать. Он иногда так поступает, покусывая кончики пальцев или живот.

Монк рассмеялся – но не от щекотки, а просто давая выход своему веселью:

– На самом деле я чувствую, что он делает.

– Поразительно! – Мария взглянула на протез новыми глазами. – Я читала о том, что УППОНИР испытывает новые протезы с датчиками осязания, но не верила, что работа уже продвинулась так далеко.

– Просто считайте меня подопытной морской свинкой, – пожал плечами Коккалис.

Наконец Баако протянул ему протез.

– Спасибо, малыш, – сказал Монк, принимая свою искусственную кисть.

Повернувшись к последнему гостю, горилла внимательно осмотрела обе руки Ковальски.

– И не думай ничего такого! – сказал великан, поднимая руки. – Они обе настоящие.

После этого он сжал пальцами одной руки другую.

«Не кусать!»

Шумно фыркнув, Баако недовольно заворчал.

Повернувшись к великану, Мария улыбнулась:

– Вы хорошо владеете азбукой глухонемых.

Смущенный ее вниманием, Ковальски описал спираль двумя пальцами и поставил их на тыльную сторону ладони другой руки.

«Разумеется».

Однако на Баако великан произвел не слишком благоприятное впечатление. Категорически отказываясь подойти ближе, горилла тяжело опустилась на одну руку, ткнула в Джо пальцем и сделала красноречивый знак.

«Ты мне не нравишься».

Взглянув на обезьяну, Ковальски поморщился.

«Взаимно, приятель!»

11 часов 48 минут

Баако видит позу чужака, ощущает исходящий от его тела терпкий запах, читает у него на лице едва заметные знаки неприязни. Он чувствует, что не нравится этому человеку, и не понимает, в чем дело. Недоумение порождает обиду – и гнев.

К нему подходит мама. Губы у нее сжаты, они готовы отчитать Баако. Она показывает знаками:

«Он тоже хороший».

Баако не знает, как объясняться, как возразить, и поэтому просто скрещивает руки на груди, отказываясь говорить.

«Я не нравлюсь этому человеку, поэтому он мне тоже не нравится».

К тому же мама похвалила этого человека за то, как тот разговаривает с помощью рук. Улыбнулась ему. Она должна радоваться только тому, как разговаривает Баако.

А не этот человек.

Мама твердо указывает на дверь в глубине помещения:

– Баако, уходи к себе в комнату!

Он ворчит, выражая голосом боль и обиду.

Но мама снова указывает двумя пальцами на дверь в спальню.

«Уходи!»

Шумно вздохнув, Баако повинуется. Он направляется к двери, передвигаясь на всех четырех конечностях и сгорая от обиды. Прежде чем удалиться к себе, он оборачивается и бросает на чужака испепеляющий взгляд.

«Это ты уходи!»

11 часов 49 минут

– Он устал, – объяснила Мария, гадая, не слишком ли строго обошлась со своим подопечным. Однако иногда приходится проявлять твердость.

– Не волнуйтесь, – усмехнулся Монк, – Ковальски и на людей нередко производит такое же впечатление. Требуется время, чтобы к нему привыкнуть.

Его напарник нахмурился, но возражать не стал.

Смутившись, Крэндолл попыталась успокоить великана:

– Ночью Баако плохо спал. Ему снились кошмары, связанные с Леной.

– Вот как? – насторожилась Эми.

Услышав у нее в голосе профессиональный интерес, Мария поспешила его развеять:

– Это было просто случайное совпадение.

Она отвела взгляд, не желая рассказывать про то, как сама проснулась от такой же тревоги за сестру.

– Кстати, раз уж речь зашла о Лене, – вмешался Монк, – чем занималась ваша сестра в Европе?

Мария с радостью перевела разговор на другую тему:

– Нас пригласили принять участие в совместных работах, проводимых в Институте эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге. В вопросах изучения гоминидов этот институт занимает ведущее место. Мы получили возможность участвовать в программе, целью которой является построение более точной модели генетических разновидностей неандертальцев как биологического вида, а также в разработке новых методов извлечения ДНК из ископаемых останков.

– А почему в Германию отправилась Лена, а не вы? – спросил Коккалис.

– Мы обе занимаемся генетикой, но мои исследования ориентированы на понимание ДНК на *макроуровне*. Можно сказать, что меня интересует конечный результат. В то время как Лена сосредоточена на *микроуровне*, ее исследования посвящены редактированию и расщеплению генов. Поэтому мы решили, что для нее работы в Лейпциге

важнее.

Захлестнутая чувством вины, Мария обхватила себя за плечи. Теперь она сожалела о своем решении. Она здесь, в Штатах, в полной безопасности, в то время как ее сестре там, далеко, приходится иметь дело неизвестно с чем...

– Мы с Леной рассудили, что от такого предложения нельзя отказываться, – продолжала Мария. – Я могу пересчитать по пальцам одной руки все останки неандертальцев, из которых можно извлечь приличные цепочки ДНК. Хорошие источники встречаются крайне редко. Мы с сестрой рассчитывали, что, получив в свое распоряжение качественные образцы и более точные технологии анализа и ознакомившись с многообразием генов различных неандертальских племен, сможем определить, чем неандертальцы как вид отличались от нас и как смешение наших видов способствовало «большому скачку вперед». Ставки были очень высоки.

У нее перед глазами возникло лицо Лены.

Но и потерять также можно очень многое.

– Вам известно, с кем именно работала в Лейпциге ваша сестра? – спросил Монк.

– Там целая команда, – покачала головой Мария. – У меня наверху в компьютере есть все фамилии, но это специалисты из различных областей, изучающие гоминидов, внесших вклад в наш генотип.

– Так что, у нас есть гены не одних только неандертальцев? – кашлянув, спросил Ковальски.

– Совершенно верно, – кивнула Крэндолл. – Современником неандертальцев и *Homo sapiens* был еще один вид гоминидов, так называемый денисовский человек. Его представители также скрещивались с нами, привнося в наш генетический плавильный котел свои гены.

– Выходит, этот котел получился чертовски грязным, – проворчал Джо.

– Напротив, гены денисовского человека помогли нашему виду выжить. Например, ген EPAS1 активируется, когда содержание кислорода в атмосфере становится низким, и способствует выработке дополнительного гемоглобина. Разнообразие этого гена обнаружена у тибетских народов, что позволяет им жить в высокогорных районах, в том числе в Гималаях, где кислорода крайне мало. Исследования показывают, что этот ген достался нам от денисовского человека.

– Но хоть это-то все? – фыркнул Ковальски. – Или были еще какие-то пещерные люди, принимавшие участие в этой доисторической оргии?

Мария оглянулась на Эми, понимая, что этот вопрос представляет особый интерес для ее подруги.

– Генетический анализ ископаемых останков и неандертальцев, и денисовского человека позволяет предположить, что с нами скрещивался и *третий* вид гоминидов, – заговорила та, – о котором до сих пор ничего не известно.

– Что опять же доказывает, – добавила Мария, – что, если б не все эти скрещивания, сегодня мы не были бы теми,

кем являемся. Все это поддерживает нашу теорию о гибридной силе: смешение человека и других видов гоминидов дало нам генетическое разнообразие и позволило расселиться по Европе, а затем и по всему миру. Именно чужие гены помогли нашему виду дожить до сегодняшнего дня.

– И как раз это вы изучаете, работая с Баако, – сказал Монк, – анализируете конкретные особенности, которые могли способствовать «большому скачку вперед».

– Совершенно верно. И хотя наш подопытный еще очень молод, мы уже отметили поразительный прогресс в его способностях познавать окружающий мир. Баако учится втрое быстрее, чем любая из обезьян, с которыми занимались в прошлом. И анатомия его головного мозга также несколько отличная: имеет место некоторый рост количества поверхностных складок на коре больших полушарий, а также общее увеличение объема серого вещества. Все это зарегистрировано магнитно-резонансной томографией, – рассказала Крэндолл.

– Я был бы не прочь ознакомиться с ним, – еще сильнее заинтересовался Коккалис. – Это что-то поразительное!

– Все данные сохранены на моем компьютере. Я покажу вам...

Марии не дало договорить слабое хныканье. Звук был тихий, едва слышный, однако исследовательница, обладающая обостренным чутьем матери, тотчас же уловила его. Умолкнув, она обернулась к двери, ведущей в соседнюю комнату.

В полумраке на пороге стоял на четвереньках Баако, выписывая кулаком круги перед грудью.

«Извини...»

– Я провожу гостей к тебе в кабинет и покажу им самые главные результаты, – тронула Марию за руку Эми. – Похоже, кто-то хочет попросить прощения за свое поведение.

При виде расстроенной гориллы у Крэндолл защемило сердце.

– Да и мне тоже нужно доложить в Вашингтон, – добавил Монк, поворачиваясь к выходу. – Будем надеяться, что поступили свежие новости из Хорватии.

– Спасибо, – кивнула ему Мария.

– А этого великана я оставлю с вами, – указал Коккалис на своего напарника. – Что-то подсказывает мне, что проблема отчасти в нем, значит, и решение также без него не обойдется.

– Что я такого сделал? – обиженно спросил Джо.

Однако Монк пропустил его слова мимо ушей.

– Как только мы закончим, я позвоню Ковальски и дам вам знать.

Мария кивнула, подозревая, что это лишь отговорка, чтобы дать Эми и Коккалису возможность переговорить без посторонних. Когда они ушли, она взглянула на Джо. По-видимому, вклад этого человека в обсуждение вопросов научного характера не требовался. Его оставили присматривать за ней.

Крэндолл не могла сказать, кому из них двоих следовало обидеться в большей степени.

И все же она слишком устала, чтобы возражать, к тому же ей хотелось успокоить Баако. Но прежде чем подойти к горилле, девушка достала сотовый телефон и нажала кнопку повторного вызова. Запросив последний набранный номер – номер Лены, – она стала ждать установления связи, приготовившись в который уже раз услышать долгие гудки, а затем записанный голос, сообщающий, что вызываемый абонент не отвечает.

Вместо этого раздался треск статического электричества, уступивший место голосу.

– ...рия! – Голос был полон отчаяния и страха. – Ты меня слы...?

Больше Мария ничего не услышала. Связь оборвалась. На экране появилось сообщение «СОЕДИНЕНИЕ ПРЕРВАНО».

И все же Крэндолл крикнула в умолкнувший телефон:
– Лена!

Глава 7

*29 апреля, 18 часов 04 минуты по
восточноевропейскому летнему времени*

Округ Карловац, Хорватия

Нет, нет, нет...

Стиснув телефон, Лена попыталась восстановить связь. Учащенно дыша, она снова и снова набирала номер, но все было тщетно. Жерар и Роланд молча смотрели на нее. Священник попробовал позвонить со своего телефона, но у него тоже ничего не вышло.

– Это была она, – пробормотала женщина. – Моя сестра...

Трое беглецов застыли на плоском каменном выступе, нависающем над подземным озером, которое разливалось по обширной пещере. В ширину озеро простиралось по крайней мере на сто ярдов, а в длину было вдвое больше. Далеко справа из расселины с ревом вырывался поток воды, которая тяжело падала в озеро, медленно заполняя пещеру. А слева находилась причина того, почему пещера еще не была

полностью затоплена. Там черная поверхность озера бурлила большим водоворотом, обозначающим место стока. Крэндолл представила себе, как вода устремляется вглубь, к самому основанию гор, смывая все на своем пути.

И мы будем следующими...

– Должно быть, это река Добра, – сказал Роланд, глядя на грохочущий поток. – Она протекает через Огулин и исчезает под землей в провале Дулы.

– Похоже, отец Новак прав, – согласился Жерар. – Судя по всему, мы находимся где-то недалеко от выхода на поверхность, раз ваш телефон поймал сигнал, хоть и на краткий миг.

Лена опустила телефон, признавая бесплодность своих попыток:

– Мы так близко к цели...

Она посмотрела на безжалостное наводнение.

И в то же время так далеко от нее.

– Если бы можно было плыть против течения... – пробормотал Роланд.

Однако никто даже не стал рассматривать такой вариант. Того, кто бросится в озеро, затянет в водоворот раньше, чем он успеет добраться до истока подземной реки.

На глаза девушке навернулись слезы отчаяния, застилая взор. Она сердито отерла их, не желая признавать поражение. Вдруг вода плеснулась ей на ноги. Опустив взгляд, Лена увидела, что поверхность озера поднялась до самого камен-

ного выступа.

– Нам нужно вернуться, – сказал Жерар, указывая назад.

– Куда? – опустошенным тоном произнес священник. – Позади нас пещера тоже заполняется водой.

– Где-то должно быть возвышенное место, – твердо произнес французский офицер. – Там мы сможем переждать грозу.

Никто не стал с ним спорить, но все понимали, что это бесполезная затея.

Крэндолл прижала телефон к груди, страстно желая восстановить связь с сестрой, хотя у нее не было никаких надежд на то, что Мария сможет ее спасти.

«Но если бы появилась связь, я, по крайней мере, смогла бы с ней попрощаться».

18 часов 11 минут

Грей стоял на дне глубокого ущелья, глядя на оставшиеся высоко вверху укрепления замка Франкопан. Ему в лицо хлестал дождь, под брюхом черных грозовых туч сверкали молнии...

Пирс переключил внимание на насущное. С нависшей над обрывом смотровой площадки свисала веревка, и Грейсон проследил, как вниз скользнула в страховочной петле худая мускулистая фигура Фредерика Хорвата. Альпинист быстро

опустился рядом с ним на каменистый берег бурлящей реки. От берега в воду уходил стальной подковообразный причал, укрывающий надувную лодку.

Пока Фредерик освобождался от упряжи, Грей предпринял еще одну попытку отговорить его.

– Я и один справлюсь, – сказал он. – В лодках я разбираюсь.

– Но вы не знаете эту реку и пещеру, в которую она течет, – похлопал его по плечу альпинист. – Я уже добрых двадцать лет вожу туристов в глубины провала Дулы. Мне здесь известны все повороты и стремнины, все камни и скалы. Если хотите найти свою знакомую, без моей помощи вам не обойтись.

Несмотря на прозвучавшие в его голосе уверенность и браваду, от Грея не укрылось, что глаза Хорвата остекленели от страха. Возможно, этот альпинист действительно хорошо знал реку и окрестные пещеры, однако сейчас, в грозу, ничего нельзя было предсказать заранее. Течение стало коварным и опасным, а все ориентиры, скорее всего, смыло или накрыло водой.

И тем не менее Фредерик решительно указал на надувную лодку:

– Садимся. В ближайшее время река не успокоится.

Напоследок Грей еще раз оглянулся на балкон. Сейхан стояла, перевесившись через ограждение. Рядом с нею застыл Даг. Женщина была недовольна тем, что ее не взяли с

собой, однако все понимали, что рисковать жизнью еще одного человека не было никакой необходимости. К тому же Пирс не мог рассчитывать на то, что те, кто пытался расправиться с Фредериком, не вернутся, чтобы довести дело до конца. В этом случае ему понадобилось бы прикрытие.

Он помахал Сейхан рукой, но та просто отошла от ограждения, все еще злясь на него.

Повернувшись, Грей забрался в лодку. Даже привязанная, она дергалась и качалась в сильном течении, словно брыкающийся бык на арене родео. Пирс переместился на нос, а Фредерик, отвязав веревки, запрыгнул на корму к подвесному мотору.

– Держитесь крепче! – крикнул он, дергая за шнур стартера.

Грей ухватился за резиновую рукоятку. Двигатель с ревом ожил, однако этот звук потонул в громоподобном гуле вздувшейся от дождя реки.

Покинув причал, лодка оказалась на стремнине. Течение тотчас же обрушилось на утлое суденышко, закрутив его на месте, но Хорват быстро развернул лодку в нужную сторону. Мимо замелькали отвесные стены ущелья. Река исчезала впереди в зияющей пасти подземного тоннеля.

– Поехали! – крикнул Фредерик.

18 часов 15 минут

Сейхан проследила взглядом, как лодка стремительно пронеслась вниз по течению и тотчас же скрылась в тоннеле. Ее пальцы крепко стиснули железное ограждение, отделяющее смотровую площадку в парке от головокружительного обрыва.

«Я должна была находиться там».

После того как Фредерик рассказал им о надувной лодке, Грей и его подруга, оставаясь в защищенном от дождя и ветра салоне машины, разработали план, однако приступили к его осуществлению не сразу. Проникать в затопленные пещеры по реке было крайне опасно, и хотя связисты «Сигмы» на какие-то секунды поймали сигнал сотового телефона американки-генетика, не было никакой гарантии, что эта женщина до сих пор жива. Нападавшие могли убить ее, после чего ее тело – или только сотовый телефон – унесло течением с гор вниз в долину.

Но затем, несколько минут назад, поступило сообщение о том, что сестрам удалось на мгновение связаться друг с другом.

Похоже, женщина жива и находится под землей, поняли напарники.

Узнав об этом, Сейхан тотчас же взяла на себя роль «адвоката дьявола», приведя множество доводов *против* то-

го, чтобы предпринимать спасательную операцию. Неужели Грею стоит подвергать опасности свою жизнь – а заодно и жизнь хорватского альпиниста – ради спасения одной женщины? Пока нельзя утверждать, что нападение организовали не простые грабители, решившие поживиться археологическими находками. Рисковать жизнью опытного сотрудника «Сигмы» ради одного человека нельзя. Разумной альтернативой является более консервативный подход – например, дожидаться окончания грозы.

Но с таким же успехом она могла бы уговаривать глухого. Впрочем, иного Сейхан и не ждала.

Услышав за спиной шлепающие по мокрому асфальту шаги, она обернулась. По аллее бежал возвращающийся Даг. Парень сбегал в гостиницу, чтобы выяснить положение дел там и узнать, как откликнулись на стрельбу в баре местные правоохранительные органы.

– И что ты узнал? – спросила Сейхан, различив сквозь листву мигающие огни машин чрезвычайных служб.

– Сейчас там полная неразбериха, – ответил Даг. – Никто не знает, что...

Его слова заглушил громкий гул, заставивший парня присесть. Сейхан тотчас же поняла, что это не раскат грома. Посмотрев на запад, она увидела окутанный дымом огненный шар, поднимающийся в темное небо.

Женщина представила себе раскинувшиеся в том направлении поля, раскисшие от дождя, и оставленный там верто-

лет.

Даже Даг сообразил, что явилось источником взрыва.

– Кто-то взорвал ваш вертолет! – прошептал он испуганно.

Тотчас же неподалеку завывли сирены, а со стороны гостиницы донеслись крики. Через считанные минуты яркое зарево фар устремилось на запад, в поля.

Дыша носом, Сейхан достала из кобуры под мышкой «ЗИГ-Зауэр».

– Что вы делаете? – уставился на нее опешивший Даг.

Не обращая на него внимания, женщина повернулась к ущелью.

Она предположила, что неизвестные взорвали вертолет не только для того, чтобы лишить их с Греем средства передвижения, но также чтобы отвлечь внимание местных полицейских, увести их в поле.

Подальше отсюда.

Все чувства Сейхан обострились до предела. Она всматривалась в темноту парка, ожидая появления врага с этой стороны, однако внезапно ее внимание привлек вой, доносящийся снизу. Вниз по реке мчались три огонька – водные мотоциклы. На всех трех красовалась эмблема местной водной станции, и, судя по мощным прожекторам, установленным на мотоциклах, они, как и надувная лодка Фредерика, использовались для исследования подземного мира.

Вот только их пассажирами были вовсе не совершающие

увлекательную прогулку туристы.

На каждом мотоцикле сидели по два человека, и все они были в касках, а у них за плечами Сейхан различила характерные силуэты автоматических винтовок.

«Похоже, нападавшие прознали о том, что в живых остались свидетели».

Женщина прицелилась в приближающийся головной мотоцикл, использовав в качестве упора для руки стальное ограждение. Со своей выгодной позиции наверху она сделала три быстрых выстрела. Первая пуля сразила боевика, сидящего сзади, и его тело свалилось в воду. Вторая пуля срикошетировала от руля, за которым сидел, пригнувшись, водитель. Как и рассчитывала Сейхан, мотоцикл дернулся в сторону. На мгновение цель открылась, позволив ей всадить третью пулю водителю в плечо. От удара тот слетел с сиденья и упал в воду. Лишившийся управления мотоцикл описал вираж и врезался в стальные опоры причала.

Один готов...

Сейхан приготовилась разобраться со второй целью, однако ее противники быстро определили, откуда исходит угроза. Два оставшихся мотоцикла принялись петлять по реке, бросаясь из стороны в сторону и двигаясь по непредсказуемым траекториям. Женщина стреляла до тех пор, пока у нее не кончились патроны, но все ее пули ушли мимо цели.

Оба мотоцикла скрылись из виду, поглощенные тоннелем. Сейхан в сердцах ударила рукояткой пистолета по ограж-

дению, проклиная безрассудный план – и отчаянного человека, рискнувшего его осуществить.

«Будь ты проклят, Грей!..»

18 часов 21 минута

Пожалуй, это была ошибка.

Грей сидел на носу надувной лодки «Зодиак», низко пригнувшись, чтобы не загораживать Фредерику обзор и чтобы не задеть головой о низко нависшие сталактиты. К этому моменту уровень воды поднялся настолько, что река практически заполнила тоннель. Свисающие сверху сталактиты напоминали огромные клыки из известняка, вгрызающиеся в бурлящий поток. Эти острые зубы запросто могли разорвать в клочья борта лодки.

– Свети прямо вперед! – предупредил Фредерик.

Его пассажир повиновался, крепче стиснув ручку фонаря на носу «Зодиака». Только этим он и мог помочь альпинисту.

На каждом изгибе, даже самом незначительном, вода взметалась высоко вверх по стенам. В боковых ответвлениях бурлили свои потоки и водовороты. Однако опасность представляли не только эти препятствия. Мимо проносились стволы вывороченных из земли деревьев, вращаясь и натыкаясь на камни и стены.

А своды опускались все ниже и ниже.

Хорват умело маневрировал в безумном потоке, и Грей проникся к нему уважением. Двигатель лодки надрывно выл и ревел, поскольку альпинист, по большей части, пускал гребной винт в обратную сторону, чтобы хоть как-то тормозить в неумолимом течении.

– Держись крепче! – крикнул вдруг Фредерик.

Грей тотчас же увидел опасность. Тоннель резко заворачивал влево. На углу река вздымалась вверх, бурля белой пеной. Опасный поворот угрожал растерзать легкую лодку.

Услышав, как изменился тембр двигателя, Пирс обернулся к корме. Отключив задний ход, Хорват дал полный газ, и его спутник все понял. Для того чтобы преодолеть это место, нужна была *скорость*.

Грей снова повернулся вперед. «Зодиак» стремительно летел к водовороту, теперь уже используя течение, а не борясь с ним. У самого поворота двигатель взревел еще громче – это Фредерик прибавил газу, выжимая из лодки все, на что она была способна. Огибая угол, суденышко накренилось, буквально поднимаясь вертикально на один поплавок.

Пирс затаил дыхание, но лодка уже преодолела стремнину и вышла на более спокойную воду.

Грей облегченно вздохнул.

– Конец пути! – окликнул его альпинист, указывая вперед.

Луч света оборвался, растаяв в просторной пещере, наполовину заполненной разливающимся озером.

Фредерик сбросил скорость.

– Тут всякого можно ожидать, – предупредил он.

– Чего именно? – уточнил Грейсон.

– Харибда, – одним словом ответил альпинист.

Грей нахмурился, поняв, что он имел в виду. Согласно «Одиссее» Гомера, Харибдой звали чудовищный водоворот, который затягивал корабли неосмотрительных мореплавателей.

Звучало это не слишком обнадеживающе.

18 часов 24 минуты

Резко остановившись, Роланд обернулся. Одна его нога сорвалась с камня и ушла в воду, текущую сплошным потоком от подземного озера, на берегу которого они останавливались. Трое беглецов поспешили покинуть затопленную пещеру и стали спускаться вниз тем же путем, каким пришли туда, преследуемые нарастающим наводнением, которое выливалось из переполненного озера.

Впереди шел Жерар, искавший боковые ответвления, которые могли бы вывести их на возвышенное место, что позволило бы им вырваться из затопленного основания гор.

– Подождите! – окликнул своих спутников Новак.

Лена устало остановилась. Фонарик у нее на каске светил тускло, поскольку батарейки уже почти сели.

– В чем дело? – спросила девушка.

– Прислушайтесь! – крикнул священник.

– У нас нет времени... – проворчал Жерар.

– Прислушайтесь, черт бы вас побрал! – рявкнул Роланд во весь голос.

Как-нибудь попозже он попросит у Господа прощения за богохульство, однако в данный момент ему требовалось привлечь внимание своих спутников, пробиться сквозь охватившие их отчаяние, холод и усталость.

Его попытка увенчалась успехом. Лена склонила голову набок, вслушиваясь, и глаза у нее широко раскрылись от изумления:

– Это что, шум мотора?

Со стороны оставшегося позади озера доносились новые нотки, пробивающиеся сквозь рев воды: высокое завывание двигателя внутреннего сгорания.

– Это действительно мотор! – подтвердил французский военный. – Возвращаемся! Назад!

Роланд и сам был того же мнения. Он зашлепал вверх по течению, спотыкаясь, падая и снова вставая. Под конец священник уже буквально карабкался на четвереньках. К тому времени как он добрался до берега озера, вода была ему уже по щиколотку. Всем троим приходилось прилагать все силы, чтобы противостоять течению, готовому унести их назад. Жерар помогал Лене.

Отец Новак мысленно поблагодарил Господа за оказанное

им милосердие.

На черной поверхности подземного озера сияла яркая звезда.

Лодка!

– Держитесь! – прозвучал оттуда громкий голос. – Мы уже идем!

Позади лодки вспыхнули два новых ярких пятна, вырвавшихся из тоннеля.

Едва не расплакавшись от облегчения, Роланд замахал рукой.

Похоже, на помощь пришла целая флотилия.

18 часов 27 минут

Грей обернулся, увидев за спиной свет фар, сопровождаемый громким ревом двигателей. Из тоннеля в пещеру стремительно ворвались два водных мотоцикла.

«Это еще что за чертовщина?!»

Ослепленный светом их фар, Пирс не смог рассмотреть, кто управляет мотоциклами, однако у него почему-то возникло неприятное предчувствие. А через мгновение оно получило подтверждение: когда раздались выстрелы. Но Грей к тому времени уже пришел в движение, откликаясь на свое чутье. Выхватив из кобуры под мышкой «ЗИГ-Зауэр», он бросился на корму, увлекая Фредерика на дно лодки.

Его пули разбили фару головного мотоцикла. Прежде чем свет полностью погас, Грей успел разглядеть на мотоцикле фигуры в масках: водитель и стрелок у него за спиной. Попав под огонь, мотоцикл резко вильнул вбок.

Второй мотоцикл отвернул в противоположную сторону, и его фара превратилась в звезду, пронесшуюся над черной поверхностью озера.

«Они пытаются взять нас в клещи».

Пирс заскрежетал зубами. Если «Зодиак» окажется зажат между двумя водными мотоциклами, они с Хорватом обречены. У них только один пистолет, и они не смогут одновременно защищаться от угрозы с двух сторон. Нужна помощь.

Держа в одной руке пистолет и ведя огонь по ярко освещенному мотоциклу, Грей другой рукой указал вперед:

– Фредерик! Пригнись, но сделай так, чтобы мы были впереди врагов!

Как оказалось, альпинист был не из робкого десятка. Распластавшись на корме, он дал полный газ. Надувная лодка понеслась вперед, стремясь уйти от преследователей.

Укрываясь за правым поплавком, Грейсон продолжал стрелять по ярко освещенному мотоциклу, однако водитель второго мотоцикла, у которого была разбита фара, к этому времени пришел в себя. Слева загревели частые винтовочные выстрелы. Поплавок оказался пробит, и свист вырывающегося из лодки воздуха возвестил о новой опасности.

Даже если людям удастся укрыться от пуль, «Зодиак» дол-

го не продержится.

Грей переключил все свое внимание на мотоцикл с разбитой фарой. Необходимо было любой ценой отогнать ублюдка прочь. Пирс поднял пистолет – но тут прогремели еще несколько выстрелов, причем они были сделаны из новой точки. Среди трех огоньков фонариков на берегу озера замигали частые вспышки.

«У кого-то из этих ребят есть оружие, и этот человек уже имел дело с боевиками в масках», – догадался Грейсон.

Мотоцикл с разбитой фарой развернулся, откликаясь на новую угрозу. Стрелок открыл огонь по берегу. Два огонька исчезли, скрылись. Однако ответная стрельба продолжалась, но Грей понимал, что неизвестный союзник находится на открытом месте и не сможет долго продержаться.

И все же его храбрый поступок позволил Пирсу перевести дух и заняться вторым мотоциклом.

К этому времени мотоцикл с целой фарой уже нагнал лодку и двигался параллельно ей. Грей мысленно проклинал скорость и маневренность юркого суденышка и тщательно прицелился. По его подсчетам, у него осталось всего два патрона, поэтому расходовать их нужно было бережно.

– Держись! – крикнул вдруг Фредерик.

Прежде чем Грейсон успел возразить, альпинист застопорил мотор. Лодка замедлила ход, а затем резко дернулась в обратную сторону: Хорват дал задний ход.

Мотоцикл, в который целился Грей, пронесся вперед и за-

ложил крутой вираж, поднимая гребень брызг.

Проклятье...

Сбылись худшие опасения Пирса.

«Зодиак» оказался зажат между двумя мотоциклами – один приближался сзади, другой спереди. Фредерик, словно смирившись с поражением, упорно двигался назад.

– Что ты делаешь?! – воскликнул Грей.

Тем временем стрельба с берега прекратилась. Незвестный, пришедший на помощь, или был убит, или вынужден был искать укрытие. Освободившись, мотоцикл с разбитой фарой устремился к надувной лодке подобно ястребу, падающему на раненую добычу.

Обернувшись к Фредерику, Грей увидел у него на лице зловещую усмешку.

Впереди, там, где находился мотоцикл с неразбитой фарой, раздались отчаянные крики, и Пирс приподнял голову над поплавком. Вражеское судно кружилось в гигантской воронке, образованной бурлящим водоворотом. Стремительное течение оказалось слишком сильным для слабенького двигателя мотоцикла.

На глазах у Грейсона мотоцикл перевернулся и скрылся в пучине вместе с двумя своими седоками. Какое-то мгновение из-под воды пробивался свет его фары – но вскоре исчез и он.

Теперь Грей понял маневр Хорвата. Альпинист заманил врага прямо в пасть чудовищной Харибды.

Но оставался еще второй мотоцикл.

Обернувшись, Пирс прицелился, пользуясь растерянностью водителя. Но прежде чем он успел открыть огонь, с берега озера снова прогремели частые выстрелы.

Сидевший на мотоцикле сзади стрелок вскинул руки и, свалившись вбок, тяжело плюхнулся в озеро.

«С одним разобрались...»

Крепко зажав обеими руками «ЗИГ-Зауэр», Грей дважды нажал на спусковой крючок.

Забрало на шлеме водителя мотоцикла разлетелось вдребезги, а голова его дважды дернулась, принимая кинетическую энергию пуль. Обмякшее тело повалилось на руль. Лишившись управления, мотоцикл промчался мимо лодки к самому сердцу Харибды, где мгновение спустя присоединился в подводной могиле к своему напарнику.

– Разворачивайся! – крикнул Грей, указывая на огоньки у стены пещеры. – Забираем их и уносим отсюда ноги ко всем чертям!

Осмотрев сдвинувшийся участок поплавок, Фредерик перевел взгляд на поток воды, вырывающийся из тоннеля.

– Если только у нас получится.

18 часов 33 минуты

Лена сидела, съежившись, на дне «Зодиака». У нее в ушах

все еще стоял звон от выстрелов. Она старалась не смотреть на то, как Роланд перебинтовывает Жерару глубокий порез на правом плече. Запрыгнув в подошедшую к берегу надувную лодку, французский офицер снял с себя гимнастерку. Рана его была не от пули, а от отлетевшего каменного осколка.

– Если б не ваша помощь, нам была бы крышка, – поблагодарил спаситель Жерара, указывая на его винтовку. – Вы отлично поработали.

Если Крэндолл правильно его поняла, он представился командером Греем Пирсом, сотрудником военизированной организации УППОНИР. Однако на самом деле ей не было никакого дела до того, кто именно ее спас, лишь бы ей помогли выбраться из этого подземного ада.

Француз крепче стиснул винтовку.

– Я должен был расквитаться с этими ублюдками... за своих ребят.

Грей кивнул с суровым лицом. Похоже, ему не надо было объяснять, что такое долг командира по отношению к своим подчиненным.

Человек, управлявший лодкой – местный житель по имени Фредерик, – дал двигателю полные обороты. Глядя на его встревоженное лицо, Лена чувствовала, как у нее тяжело стучит в груди сердце. Лодка понеслась на полной скорости по озеру, и женщина постаралась отодвинуться как можно дальше от спущенной секции поплавка. К тому времени, как

лодка достигла входа в подземный тоннель, заполненный водой, она уже буквально летела над поверхностью с пугающей скоростью.

– Нам нужно двигаться как можно быстрее! – крикнул Фредерик. – Уровень воды сильно поднялся! Так что всем пригнуться! Нам придется тесновато!

Поверив ему на слово, Крэндолл нагнулась так, что ее каска оказалась вровень с поплавком. И все же она смотрела вперед, не желая отворачиваться.

«Если мне суждено погибнуть здесь, я умру с открытыми глазами».

Добравшись до стремнины, надувная лодка с головокружительной скоростью устремилась против течения. Благодаря моменту инерции она быстро вошла в тоннель, и рев воды усилился до оглушительного гула. Резиновое суденышко тряслось и качалось, быстро теряя скорость под напором встречного потока.

Лена прекрасно сознавала, что их ждет, если они проиграют это сражение. У нее перед глазами стоял оставшийся позади бурлящий водоворот. Однако впереди было не лучше.

В десяти ярдах выше по течению подземная река описывала крутой поворот, кипящий белой пеной.

Фредерик направил лодку по внутреннему радиусу, где поток был не таким бурным. Мотор надрывно ревел, работая на полную мощность, однако «Зодиак» едва полз вперед. Низко пригнувшись у румпеля, альпинист громко ругался

по-сербохорватски, заставляя лодку преодолевать дюйм за дюймом.

Девушка не могла оторвать взгляда от стены бушующей воды, вздыбившейся у внешнего радиуса поворота. «О господи... о господи...»

И вдруг лодка преодолела поворот и оказалась за углом. Сильный поток по-прежнему тащил ее назад, однако течение уже не было таким сумасшедшим.

Но тут дала о себе знать новая угроза.

– А мы протиснемся здесь? – окликнул Хорвата Роланд.

– Выбора у нас нет, – ответил тот.

Дальше разбухшая от ливня река заполняла практически весь тоннель. От поверхности воды до свода оставалось меньше ярда. Усугубляли ситуацию торчащие сверху каменные столбы – *сталактиты*, как догадалась Лена.

Фредерику пришлось сбросить скорость, чтобы маневрировать по этому лабиринту зазубренных клыков.

«Если мы напоремся на один такой...»

Но опасность подстерегала и *под* водой. Услышав громкий треск, Крэндолл опустила взгляд на дно лодки и увидела, что толстая резина пропорота острым камнем.

Хорват высвободил лодку, однако непоправимое уже свершилось. Она стала быстро наполняться водой, хлынувшей в пробоину.

– Вычерпывайте воду касками! – распорядился Грей. – Быстрее!

Расстегнув ремешок, Лена сорвала каску с головы. Роланд и Жерар поступили так же, и все трое начали войну с рекой, работая словно одержимые.

И все же женщина видела, что это бесполезно.

Несмотря на натужный вой перегруженного мотора, отяжелевшая от набранной воды лодка начала медленно дрейфовать вниз по течению. Грей переглянулся с Фредериком, и тот обреченно покачал головой.

Но тут впереди, нарастая в громкости, послышался новый звук – очень знакомый.

Характерное грудное завывание двигателя водного мотоцикла, отражающееся отголосками от каменных сводов, нельзя было спутать ни с чем. Показалась быстро приближающаяся черная тень, ведомая лучом ослепительного света. Низко пригнувшись к рулю, чтобы не задеть о свод, водитель быстро вел мотоцикл вперед.

Похоже, враг еще не оставил попытки расправиться с ними.

Выругавшись вслух, Жерар вскинул винтовку – но Грей отвел ствол в сторону:

– Не стреляй!

18 часов 46 минут

Сейхан приближалась к осевшей в воду надувной лодке.

Она вглядывалась в темноту тоннеля, высматривая погоду, ища взглядом два оставшихся водных мотоцикла. Беспомощно проводив глазами пару быстроходных вражеских судов, скрывшихся в тоннеле, женщина спустилась по веревке со смотровой площадки к причалу, где качался на волнах третий мотоцикл, потерявший седоков. К счастью, в его замке зажигания торчал ключ: он не был привязан к руке водителя, которого подстрелила Сейхан.

И вот теперь она мчалась на отобранном у врага судне навстречу «Зодиаку». Добравшись до него, повернула руль, закладывая крутой вираж, и, поравнявшись с ней, оценила ситуацию с первого взгляда: плещущаяся на дне лодки вода, спущенный поплавок, надрывно завывающий двигатель, от которого нет никакого толку.

– Бросайте мне веревку! – приказала Сейхан.

Ее слова были встречены недоуменными взглядами, но потом Грей наконец сообразил, что она хочет.

Он бросил ей швартовочный конец. Поймав веревку, Сейхан обмотала ее о крюк за своим сиденьем. Накрутив другой конец веревки на затянутые в перчатки руки, Грей застыл на носу лодки, широко расставив для упора ноги.

Кивнув, Сейхан направила мотоцикл вверх по течению. Как только веревка натянулась, к мощности подвесного мотора лодки добавились лошадиные силы водного мотоцикла, однако какое-то мгновение они продолжали стоять на месте.

«Ну же, твою мать!..»

Затем два связанных друг с другом судна стали медленно бороться с течением. Началось мучительное продвижение вверх, отчаянная битва за каждый выигранный ярд. Наконец, казалось, через целый час изнурительной борьбы с рекой впереди блеснул свет.

Мотоцикл и лодка достигли конца тоннеля. Как только они оказались на свободе, Сейхан запрокинула голову назад, подставляя лицо хлещущим струям дождя. Полыхали молнии, дул пронизывающий ветер, но женщина еще никогда в жизни не была так рада непогоде. Она дотащила «Зодиак» к причалу на берегу, и после недолгого маневрирования все находившиеся в ней люди выбрались на берег.

Спрыгнув с водного мотоцикла, Сейхан... оказалась в объятиях Грея. Тот крепко прижал ее к себе.

– Кажется, я строго-настрого приказал тебе оставаться здесь, – шепнул он подруге на ухо.

Оторвавшись от него, она насмешливо поджала губы.

– И оставить все удовольствия вам?

19 часов 12 минут

Грей стоял вместе со всеми в маленьком парке, укрываясь от дождя под деревьями. Впереди застыла черная громада замка Франкопан. Пирс думал только о том, чтобы побыстрее покинуть этот проклятый городишко. Он не знал,

с каким врагом им пришлось иметь дело, но эти люди определенно принадлежали к какому-то военизированному формированию. Значит, речь шла не о набеге грабителей, а о тщательно срежиссированном нападении.

«А с меня достаточно бегать вслепую».

Внимание Грея привлек шум двигателя. Выскочившая из-за угла машина резко затормозила у тротуара. За рулем сидел Даг, однако это была не та машина, на которой он встречал своих гостей. Теперь он приехал на внедорожнике, «БМВ» последней модели.

– Пора в путь, – сказал Даг, опуская стекло. – Пока что дороги открыты, но, как только гроза в горах закончится, полиция начнет искать преступников, совершивших налет на бар, так что лучше как можно быстрее убраться отсюда. – Высунув руку в окно, он похлопал машину по крылу. – Одолжил у друга. Чтобы проехать через горы в Загреб, понадобится полный привод.

– Ты остаешься здесь, – решительно произнес Грей, открывая водительскую дверь.

Даг снова ее захлопнул.

– Вы знаете здешние дороги? Кто может сказать, каких дел натворил дождь? – Он похлопал себя по груди. – А я знаю эти горы вдоль и поперек!

– Парень прав, – поддержал его Фредерик. – Вам нужен человек, знающий местность.

Грей вопросительно посмотрел на него.

Альпинист поднял руки:

– Не обижайтесь, но с меня довольно! Что-то мне больше не хочется быть вашим проводником.

Грей не мог его в этом винить. Он кивнул.

– К тому же, – продолжал Хорват, – мне надо оказать командору Жерару медицинскую помощь.

Пирс оглянулся на француза. Тот тоже отказался сопровождать их, чувствуя себя обязанным остаться и выяснить судьбу своих подчиненных. Грей прекрасно его понял, поскольку на месте офицера поступил бы так же. Но Жерар обещал ему поделиться любой информацией о враге или двух похищенных ученых. Грей дал ему номер защищенного телефона.

Решив все вопросы, Грейсон приказал всем остальным садиться в машину. Сам он устроился спереди, а сзади разместились Сейхан, Лена Крэндолл и отец Новак. Они приняли решение добраться до Загреба и уже там определить, что делать дальше.

Попрощавшись с Фредериком и Жераром, их маленькая компания выехала из города.

Сидящая на заднем сиденье Лена подалась вперед, сжимая в руке сотовый телефон. Грей вытащил из него аккумулятор, опасаясь, что враг снова обнаружит их по запеленгованному сигналу.

– Когда можно будет позвонить сестре? – спросила Крэндолл.

– Пока что нельзя, – остановил ее Пирс. – Пусть враги считают, что вы погибли.

Недовольная его ответом, исследовательница откинулась назад, беспокоясь за Марию.

– Не волнуйтесь, ваша сестра в полной безопасности, – попытался успокоить ее Грей.

– Пожалуй, вы правы, – вздохнула Лена.

Глава 8

*29 апреля, 13 часов 33 минуты
по восточному летнему времени*

Лоренсвилль, штат Джорджия

Сидя за столиком в классной комнате Баако, Мария не отрывала взгляда от лежащего на столе телефона. Связавшись на мгновение с Леной, она тотчас же предупредила об этом Монка и Эми. На протяжении последнего часа эти двое, закрывшись у нее в кабинете, непрерывно звонили в Вашингтон, однако пока что никакой новой информации не было.

«По крайней мере, мне они ничего не говорят».

Мария окинула взглядом человека, который, как и она, ждал свежих известий. Джо Ковальски тоже держал в руке телефон, готовый ответить на звонок своего напарника. Великан расхаживал по комнате подобно зверю в клетке. Похоже, ему также не терпелось получить свежие данные. После мимолетного разговора с сестрой исследовательница была на грани срыва, но Ковальски помог ей взять себя в руки,

утешив ее заверениями в том, что какой-то его напарник по имени Грей обязательно разыщет Лену.

Признательная ему за поддержку, Мария посмотрела на великана, завершающего очередной круг по комнате. Его суровое лицо, на котором доминировал квадратный подбородок, было покрыто призраками старых шрамов. Нос, свернутый на сторону, полностью соответствовал остальным чертам. Однако оттопыренные уши придавали этому закаленному испытаниями мужчине что-то мальчишеское.

Знакомое «уф-уф!» привлекло внимание Крэндолл к третьему обитателю комнаты.

Баако стоял перед доской, зажав в левом кулаке маркер. Горилла нацарапала на доске четыре больших буквы:

The image shows the word 'LENA' written in large, hand-drawn, and somewhat messy capital letters. The letters are black and appear to be drawn with a marker or thick pen on a light background. The 'L' is simple, the 'E' has three horizontal strokes, the 'N' is formed by two diagonal strokes meeting at the top, and the 'A' is a simple triangle with a horizontal crossbar.

Пораженная Мария вскочила на ноги. Они с сестрой обучили обезьяну зачаткам алфавита, так как это являлось необходимой частью языка жестов. С помощью пластмассовых кубиков с буквами они объяснили Баако простейшие

слова, такие, как «мама» и «еда», а также имена тех, с кем он общался: Джека, ухаживающего за ним, его лохматого приятеля Танго и, конечно, самих Марии и Лены.

К ней подошел Ковальски. Великан не скрывал своего изумления:

– Он умеет писать?

– Баако любит рисовать карандашами и даже красками, но таких слов он до сих пор не писал ни разу.

Заметив внимание людей, обезьяна уставилась на них широко раскрытыми глазами, тихо гукая и словно сомневаясь, всё ли в порядке.

Не просто в порядке, всё замечательно!

– Какой умный мальчик! – тихо промолвила Мария.

Баако ткнул указательным пальцем правой руки себя в грудь, а затем повторил несколько раз жест, означающий «люблю». В заключение он постучал кончиком маркера под каждой буквой на доске, после чего вопросительно посмотрел на Марию.

– Я тоже люблю Лену, – улыбнулась та.

Судя по всему, Баако услышал недавний разговор сестер по телефону, почувствовал тревогу Марии за судьбу сестры и сам проникся беспокойством. Возможно, видя подавленное состояние своей приемной матери, он решил порадовать ее, продемонстрировав это свое умение, которое пока оставалось скрытым.

Почувствовав наворачивающиеся на глаза слезы удивле-

ния и любви, Крэндолл отерла глаза.

«Это должна была увидеть Лена».

Уронив маркер на пол, Баако подошел к ней и обнял ее за талию.

– Ты хороший мальчик, – пробормотала Мария.

– А почерк у тебя плоховат, – заметил Ковальски.

Оглянувшись на великана, женщина увидела у него на лице усмешку, идущую вразрез с благоговейным восхищением, с каким тот смотрел на доску.

Наконец она высвободилась из объятий Баако и предложила:

– Думаю, всем нам не помешает подышать свежим воздухом. – Взглянув на часы, Мария повернулась к Ковальски. – Обычно в полдень я вывожу этого мохнатого парня на прогулку, а сегодня, похоже, мы запоздали.

Великан выглянул в окно.

– И где вы с ним гуляете?

– Центр изучения приматов занимает свыше ста акров лесов. У нас есть стандартный маршрут. – Исследовательница похлопала Баако по плечу. – Ему очень нравится.

Внезапно она ощутила укол стыда. В глубине души женщина сознавала, что Баако по-настоящему оживал только на улице, вне стен. Его место было там, на свободе, а не здесь, взаперти. Но в то же время Мария понимала, что он не простая горилла. Только здесь, при правильном обучении и питании, Баако мог полностью раскрыть свой потенциал.

Крэндолл вздохнула, не до конца убежденная собственными заявлениями.

Но все это нужно держать при себе.

Кашлянув, Мария повернулась к Ковальски.

– Вы можете не ходить с нами, – предложила она. – Если хотите присоединиться к вашему напарнику...

– Мне свежий воздух совсем не помешает, – пожал плечами великан.

Исследовательница подозревала, что в действительности дело в другом: скорее всего, ему приказали оставаться с ней. Так или иначе, ей самой требовалось выйти отсюда, вырваться из облака тревоги, заполнившего это помещение в течение последнего часа.

Лучше двигаться, чем сидеть здесь, заламывая руки.

Подойдя к столу, Мария взяла сотовый телефон. Ей не хотелось пропустить звонок от Лены. Обезьяна наблюдала за ней, стоя на четвереньках. Очевидно, она догадывалась, что будет дальше.

– Баако, ты готов к прогулке? – спросила Крэндолл.

Высоко подпрыгнув, горилла громко гукнула, после чего поспешила следом за своей воспитательницей к клетке у входа.

– Я бы принял это за знак согласия, – Ковальски также направился к двери.

Отпирая клетку, Мария обратила внимание на то, что Ба-

ако то и дело испуганно озирается назад. Она чувствовала напряжение, от которого тело молодой гориллы буквально вибрировало, вызванное как радостным предвкушением прогулки, так и раздражением по поводу того, что этот великан, похоже, намеревался идти гулять вместе с ними.

– Как насчет того, чтобы забрать на псарне Танго? – постаралась отвлечь внимание Баако Крэндолл. – Готова поспорить, он тоже хочет погулять.

При упоминании щенка ее питомец начисто забыл о Джо. Схватив Марию за руку, он потащил ее к выходу, и та, рассмеявшись, отперла дверь электронным ключом.

Оказавшись за дверью, Баако прильнул к своей учительнице. Он крепко держал ее за руку: его приучили вести себя так каждый раз, когда он покидает свое жилище. Подняв руки, горилла подождала, когда будет выполнена еще одна мера предосторожности. Сняв с крючка у двери два браслета с датчиками слежения GPS, Мария застегнула магнитные защелки у гориллы на запястьях.

– Ну вот, все готово, – сказала она. – Теперь можно идти. Баако негромко фыркнул.

Крэндолл повела обезьяну и Ковальски к противоположному крылу здания. Баако жался к ней, особенно когда они проходили мимо других лабораторий. Несомненно, даже за наглухо закрытыми дверями он чувствовал запах или ощущал присутствие других подопытных животных, в основном таких же приматов, как и он сам: макак-резусов, задей-

ствованных в программе изучения замены гормонов, бородатых мангабеев, на которых исследовали эволюцию роста, беличьих обезьян, участвующих в различных программах создания вакцин... Услышав раздавшийся за одной из дверей пронзительный крик шимпанзе, Баако крепче прижался к своей воспитательнице.

– Всё в порядке, – успокоила его Мария.

«Но так ли это? Как Баако на все реагирует?»

Наконец они подошли к псарне, где их встретил знакомый долговязый парень по имени Джек Руссо.

– Ведете этого лохматого приятеля на прогулку? – широко улыбнулся он, опираясь на швабру.

– И Танго тоже, – добавила Крэндолл, кивая на ближайшую конуру.

– Я сейчас его приведу, – сказал студент. – Но предупреждаю, на улице моросит дождь, а после ночного ливня все дорожки раскисли. Так что резиновые сапоги не помешают.

– Меня-то это нисколько не пугает. – Повернувшись к Ковальски, Мария окинула взглядом его костюм и модные штиблеты. – Но вот вам, пожалуй, все-таки лучше остаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.